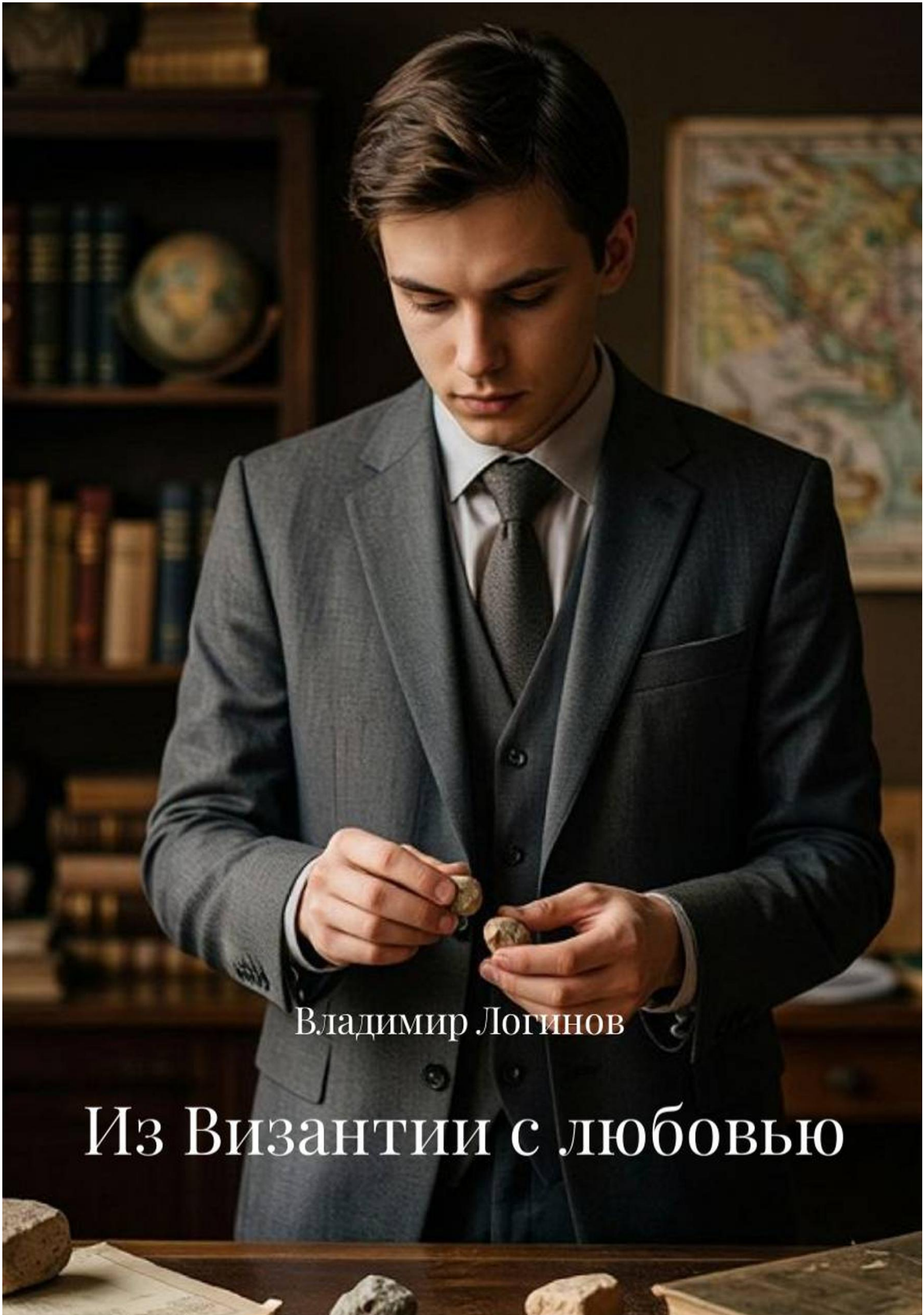

Владимир Логинов

Из Византии с любовью

Владимир Логинов

Из Византии с любовью

«Автор»
2026

Логинов В. И.

Из Византии с любовью / В. И. Логинов — «Автор», 2026

Одному из персонажей романа, молодому физику Николаю Гулову, знакомые археологи принесли два маленьких предмета, найденных ими при раскопках древних развалин в Средней Азии, чтобы тот в качестве эксперта разобрался в находках. Один из предметов оказался навигатором, миниатюрной машиной времени из очень далёкого прошлого, которым физик Гулов со своим другом историком Артуром Иродовым и воспользовался, чтобы проследить, например, жизненный путь некоторых исторических лиц в Византии, увидеть жизнь ремесленников и землепашцев, воинов и торговцев.

© Логинов В. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая: ХЕРСОНЕС – КОНСТАНТИНОПОЛЬ 6
Глава 1. КОГДА, 7
Глава 2. 15
Глава 3. 28
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Владимир Логинов
Из Византии с любовью

История галопом мчится
в будущее, стуча золотыми
подковами по черепам дураков.
Алексей Толстой

Часть первая: ХЕРСОНЕС – КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Глава 1. КОГДА, СЫН, ПРИВЕДЁШЬ ЖЕНУ В ДОМ?

Николай Гулов уже третий год снимал однокомнатную квартиру недалеко от предприятия, где он работал заведующим лабораторией химического анализа. Казалось бы, заведующий лабораторией химанализа должен быть химик, а директор концерна, в который составной частью входил и металлургический комбинат, Вениамин Петрович Маневич своим приказом по объединению в лабораторию назначил физика. А назначил потому, что хорошо знал кто такой Николай Гулов, к тому же, энергичный студент физического факультета Московского университета Гулов проходил производственную практику на заводах концерна и неоднократно попадал в поле зрения генерального директора.

Город и предприятие для своей практики студент выбрал произвольно и первый раз Гулов столкнулся с гендиректором Маневичем в этой самой лаборатории, куда глава концерна заглянул по случаю, ему надо было проверить качественный состав золотой пластины весом в сто граммов. Этим золотом с Вениамином Маневичем рассчитался его же друг и однокурсник по политехническому институту Борис Гайдук, но, как говорится, друг-то другом, а денежки-то врозь, доверяй, да проверяй – вот дотошный студент Гулов и проверил качество золота. В пластине оказалось почти сорок процентов меди и Гайдуку пришлось доплачивать своему другу Маневичу недостающее, хотя с этим золотом бедолагу Гайдука при расчётах где-то самого «нагрели».

Второй раз, уже выпускник университета Николай Гулов встретился с Маневичем на базе отдыха выходного дня в Саянах, где оба оказались в одном катамаране на сплаве по бурной горной речке, с ночёвкой у костра и как уже старые знакомые о многом успели переговорить. Гендиректор убедился лично, что перед ним незаурядный молодой человек, явно с великолепной научно-технической перспективой. Маневич мысленно взвесил возможности парня и без всякого сомнения пригласил энергичного Гулова на должность заведующего химлабораторией на металлургическом комбинате.

На возражение парня, что он, мол, не химик, глава концерна успокоил, мол, химиков в лаборатории достаточно, а вот хорошего физика там не хватает. Гулов согласился и, конечно, не пожалел: город новый, кругом красивая и пышная, горно-лесистая местность с реками и озёрами. На следующий год в город своих родителей приехал друг Гулова, ещё один выпускник Московского университета, но теперь уже исторического факультета, Артур Иродов, который устроился здесь преподавателем на кафедру общей истории местного Политехнического института.

И уже летом этого же года гендиректор концерна Вениамин Маневич был вовлечён новым заведующим лабораторией Николаем Гуловым и его другом, историком Артуром Иродовым в удивительное путешествие в далёкие джунгли древнейшей истории планеты Земля, сдвинувшись, благодаря удивительному навигатору на два миллиона лет назад, где путешественники оказались в городе, в условиях высокотехничной, инопланетной цивилизации далёких предков человечества, которые прибыли в Солнечную систему и на Землю в частности для проведения долговременного научного эксперимента.

Вот и помог путешествовать во времени этим пытливым людям древний навигатор с ядерным процессором, который принесли физику Гулову знакомые ребята-археологи, вернувшиеся из очередной научной экспедиции в Среднюю Азию. И вот этот странный и удивительный навигатор, изготовленный неизвестно кем из композитных материалов пролежал около двух миллионов лет даже не в развалинах какого-нибудь древнего города, а среди развалин

пятидесятитонных блоков андезита какого-то циклопического сооружения древнейшей цивилизации в пустынных песках Каракумов.

Друзья, физик Гулов и историк Иродов кроме путешествия с Маневичем, в прошлое двухмиллионной давности, до того успели побывать и в Риме в середине пятого века времён правления регентши Галлы Плацидии при малолетнем императоре Валентиниане Ш, её непокорной дочери, Юсты Граты Гонории, вождя гуннов Аттилы, а чуть позже и в Константинополе времени правления императора, августа Маркиана Флавия.

Для выпускников Московского университета эти путешествия не были каким-то сногсшибательным явлением, потому как люди молодые, энергичные, тянущиеся ко всему новому, что в прошлом, что в будущем, ну и попал случайно в пытливые руки молодых учёных древний, миниатюрный, но такой могущественный прибор, так чего ж, грех не воспользоваться и даже ничего странного или неизведанного не увидели бывшие студенты в жизни Римской империи античного времени, наоборот, всё им показалось привычным, люди те же, что и в их времени, с такими же страстями и привычками, не было только электроэнергии, двигателя внутреннего сгорания и Интернета, а ещё в те далёкие времена там никто не курил табака.

Надо сказать, Вениамин Петрович Маневич не пожалел, что без помощи отдела кадров, сам нашёл на довольно ответственную должность заведующего лабораторией химического анализа для металлургического завода в системе концерна человека знающего и энергичного. К тому же, физик Николай Гулов оказался человеком с огромным багажом научно-технических идей, которые начали поэтапно вводиться в производство, и, которые уже через год принесли концерну неплохую прибыль, все эти идеи и новшества во многом позволили концерну опередить на мировом рынке многих своих как отечественных, так и зарубежных конкурентов.

*****

У историка Артура Иродова, в общем-то как и у всех преподавателей Политехнического института в городе металлургов и машиностроителей после завершения весенне-летней, экзаменационной сессии местных студентов наступил, наконец, почти двухмесячный отпуск. Люди массово поехали «на юга» купаться в море и загорать, против чего в последнее время дружно восстали не только врачи-кожники, но и врачи общей практики, да и врачи других специальностей, мол, загорать – это бесплатно наживать себе меланому, кожные онкологические опухоли. Отпускники, естественно, на предупреждения врачей поплёвывали, а потому пляжи Крыма и Кавказского побережья, как всегда, представляли собой красочные лежбища людского легкомыслия.

- Нам бы тоже не мешало отдохнуть где-нибудь, друг мой! - заявил Артур, явившись в лабораторию к Николаю Гулову.

Завлаб, меланхолично проводив задумчивым взглядом двух лаборанток, которые сняв белые, рабочие халаты, и, поправив свои прически перед зеркалом, ушли на обед, перевёл свои, сразу ставшие улыбчивыми, глаза на историка:

- В прошлом году, Артур, ты успел побывать не только в Риме, Равенне и Константинополе середины и конца пятого века, - не спеша заговорил физик, - но успел побывать ещё и в городе инопланетян, наших пра, пра…родителей два миллиона лет назад, которые явились на Землю создавать новую ветвь человечества, хотя хомо эректус, люди прямоходящие, уже бегали с дубинами по девственным лесам нашей планеты. А, может, уже и забыл?

- Ну как можно забыть, Коля? - поспешил с ответом Артур. - Это же феноменальное событие в моей жизни!

- Ага, особенно не забывается весёлая и за пять дупондиев для всех доступная Стефания Дука? - съёрничал Николай.

- Ну чего ты меня попрекаешь этой Стефанией? - встал на дыбы Артур.

- Но ведь согласись, друг мой, - добродушно цедил Николай, - что содержательница общественной столовой, всё-таки, красавица и к тому же молодая, да и сама предлагала себя тебе. За деньги, конечно.

- Да помню, помню! - рассердился Артур.

- За стандартный обед на двоих с фалернским вином, сыром, гороховой кашей и жареным гусем, стоимостью в тридцать медных ассов, ты выложил на стол два серебряных денария, да за такие деньги можно было полгода ходить на обед в эту харчевню. Да за такие деньги красавица Стефания для тебя готова была сделать что угодно, хоть на голову вверх ногами встать, хоть на столе голой танцевать, ха-ха-ха!

- У неё ж муж, Гавриил Дука, налоговый инспектор в торговом порту, - мрачно заметил историк. - И потом она же христианка, я просто не мог, душа не позволяла.

- Ничего, -- ухмылялся Николай, - а ей вот душа позволяла, за деньгу, конечно. - У женщин пятого века в Римской империи христианская мораль очень ловко переплетается с греческой философией о личной свободе. Греческие преподаватели грамматики в двухклассных, городских школах, что в Константинополе, что в Риме, что в других городах империи, с первых же дней учёбы втолковывают детям горожан, что личная свобода превыше всего, так, мол, завещали ещё древние философы, риторы и поэтесса Сапфо. Небось, заметил, что горожанки Константинополя, Александрии, а тем более Рима не очень-то блюдут свою честь, а уж за деньги – тем более…

Историк подозрительно посмотрел на друга.

- Слушай, Николай! – заговорил он. - Разговор у нас пошёл не в ту степь! Я к тебе пришёл не моральную сторону легкомысленных римлянок обсуждать. У них ведь в тех временах ничего кроме личного общения и сплетен не было. И заметь, что хоть сейчас, в нашем времени, все виды информации, газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет имеются в полной мере, сплетничают, мелют языками, наши милые женщины через свои навороченные мобильники также ловко и самозабвенно, также горячо, как и в Античности, и в Раннем Средневековье.

- Согласен! Такова уж природа женщин! - подтвердил физик. - Я не осуждаю их за это, любят они посплетничать во всех временах, видимо, на то и язык им Господом Богом дан. А насчёт отпуска подумать надо, друг мой, прикинуть, куда бы, в какое время смотаться. Ты-то, куда бы хотел?

Артур сначала посмотрел куда-то вверх, потом на Гулова, наконец, высказал своё желание:

- Знай! Я бы хотел попасть в Византию шестого века, времени правления императора Юстиниана 1. Вот кроме Велизария, который вознамерился по кусочкам собрать Римскую империю под началом Константинополя, был ещё один крупный полководец начала Раннего Средневековья - это Герман Македонский, к тому же он приходился роднёй императору Юстиниану 1. Он был лично ему предан, был его сподвижником и исполнителем воли своего двоюродного брата.

- Ну, хорошо! Отправимся в гости к Юстиниану! - быстро согласился Гулов.

- Хорошо-то, хорошо, Коля, но меня интересует ещё один исторический кусок: вторая половина десятого века, женитьба князя Владимира на представительнице императорского дома Византийской империи, принцессе Анне Багрянородной, которая очень уж не хотела выходить замуж за русского варвара. Так что, прежде, чем попасть к восточным ромеям времён Юстиниана 1, хотелось бы навестить великого князя Владимира в самый ответственный момент его жизни, когда он сломил упрямство императора Василия П Болгаробойцы.

- И какой же момент жизни князя ты считаешь, всё-таки, наиболее ответственным? - поинтересовался физик, обнажив левую руку, где ярко сверкнул золотом удивительный и очень древний прибор, который по своей высочайшей технологии больше подходил к таинственным приборам будущего.

Историк, искоса глянув на навигатор, спросил:

- Слушай, Николай! Археологи случаем не требуют прибор обратно? Им ведь, наверное, перед Академией наук отчитываться надо?

- Приезжали! – охотно заговорил физик. -- Но я вроде бы уже тебе говорил, когда я его в первый раз примерил на руку, браслет защёлкнулся и как открыть его я не знаю, не нашёл как, а прибор мне вскоре сообщил, что теперь я его хозяин и прибор можно снять только вместе с рукой. Это же самое я объяснил и археологам, ну они посмотрели, потрогали, пощупали, сказали, что, мол, в экспедиционный отчёт включать оба прибора не будут, мол, пока пользуйся, потом сам объяснишь, что они собой представляют.

- Да-а, в трудное положение ты попал, сложность в том как объяснить? – заметил историк.

- Ну ты не уходи от ответа, Витя? - напомнил физик.

- А о чём я говорил?

- Я спросил тебя, какой самый ответственный момент в жизни князя Владимира?

- А-а! Да, да! Пожалуй, самый тяжёлый момент в жизни князя, когда византийский император Василий Болгаробойца, отказался отдать Владимиру в жёны свою сестру Анну. И не то, чтобы отказал, но увиливал от прямого ответа и тянул время. Пришлось славянскому князю осадить византийскую крепость Херсонес, с целью взять в заложники большой город с людьми с великолепной бухтой и портом, а ведь это ещё и крупный торговый центр на Чёрном море. Крепость князю и не нужна вовсе, но показать императору Василию П свою волю и силу как-то было надо. Ну, вот и показал!

- Да! А я всё же считал, -- в раздумье заговорил Николай, - что самый ответственный момент у князя наступил, когда он принимал решенье о крещении не только себя, но всего русского мира.

- Да этих ответственных моментов у князя оказалось сразу несколько! Так что я, скорей всего, соглашусь с тобой, дружище! – произнёс историк. – Когда Анну привезли в Херсонес и князь увидел прекрасную гречанку, которая к тому же ещё и заявила, что как же идти с некрещёным варваром в церковь под венец, он решил отказаться от древней веры своих отцов и дедов, от язычества и принял твёрдое решение о крещении в Православную веру. Думаю, -- это далось ему нелегко, но с другой стороны бабка его, княгиня Ольга, была христианкой, так что уже легче, всё-таки пример из жизни был. А потом ведь ему надо было поднять престиж своего государства на более высокую ступень в мире, где стояли императоры Византии, императоры Священной Римской империи, короли и герцоги Европы.

- Ну, так что, сначала в Херсонес десятого века? - бросил физик.

- Да неплохо бы! - поддержал Артур.

- Ну, я ещё себе отпуск не оформлял! - заговорил физик. - Да и генеральному надо сообщить! Он теперь к нам привязался всей душой и тоже захочет с нами путешествовать. Бросит все дела, а их у него пруд-пруди, и с нами, да ещё жену свою, киборга Викторию, прихватит.

- А что!? Ну и пусть прихватывает! - быстро отреагировал историк. - Такие вещи, как путешествия по временным отрезкам - это как поцелуй Бога, редко кому выпадает. Да и вообще никому – только нам!

- Так, ладно! - бросил физик. – Встречусь с генеральным и буду оформлять отпуск, а ты пока думай, да готовь экипировку для десятого и шестого веков, друг мой. Тебе, как историку, лучше знать во что одевались наши славные предки.

- Туника! - тут же высказался Виктор. - Туника лежала и продолжает лежать в основе любой одежды у всех народов мира. Если хочешь знать и сейчас - ты без рубашки на улицу не выйдешь. У русских к классической тунике был ещё и длинный рукав, всё-таки, мы северный народ и здесь холодновато. С рукавом туника превращалась в обычную рубаху и у того же славянина она была привычно до колен с обязательной подпояской, чтобы можно было положить за пазуху что-то, какие-то мелкие, но очень нужные предметы. Если встречался человек в

грязной рубахе или тунике без подпояски, то такой считался простодырым – это самый низкий социальный статус в обществе, то-есть совершенно несолидный субъект, потому что у него за пазухой ничего нет.

- Надо же! - протянул удивлённый физик. - Иди, готовь средневековую одежду, и уж конечно с подпояской.

- Смотря какая подпояска! - усмехнулся историк.

- А что, она разная? - удивился физик.

- Ну, друг мой! - кинулся в разъяснения Артур. - Если простой верёвкой подпоясаться, то это яркий признак приверженца веры Христа, если подпоясан цветным, шёлковым шнуром, то ты хозяйственный мещанин, если узким пояском с орнаментом, то это принадлежность к тому или иному роду, если же на тебе пояс с золотой нитью, то ты торговец или знатный человек, ну, а уж, если подпоясан широким, в ладонь, кожаным ремнём, то ты - воин.

- Я предпочитаю кожаный ремень, - тут же решил физик, - на котором кроме кошеля с деньгами, гребня, будет боевой скрамасакс и револьвер в кобуре!

- Ну хорошо! - просто согласился историк.

*****

Гулов с шефом, генеральным директором Вениамином Маневичем встретился в этот же день, об отпускных планах переговорили и генерал, кое-как пересилив себя, высказался:

- Слушай, Коля! Ты знаешь как я полюбил таскаться с вами в разные времена истории! Это действительно удивительные путешествия, которые невозможно переоценить, равных которым невозможно даже представить и это счастье, что только мне одному, ну, если не считать тебя с историком, Бог дал такую возможность. Но вот как назло именно сейчас мне нужно двадцать дней, чтобы завершить начатое в первом полугодии, на следующей неделе мне предстоит встретиться с зарубежным заказчиком, потом ещё с одним, после согласования с экономистами и членами совета директоров подписать важные проекты и документы. А ты отдыхай, тебе по графику положено, а я только после двадцатого числа могу…

- Хорошо, Вениамин Петрович! – быстро согласился Николай. – Вернёмся к нашему разговору после двадцатого!

Вечером этого же дня в дом к инженеру Вениамину Маневичу пришёл его друг, Борис Гайдук. Маневич встретил его на веранде, где он, сидя за столом в одной майке на плечах в тонких шортах на бёдрах, знакомился со сводками по заводам концерна.

- Вот добро, что пришёл! - заговорил Маневич. - Я после встречи с заказчиками после двадцатых чисел в отпуск настроился, Борис, так что заменишь меня.

Гайдук уселся на свободный, плетёный из лозы, стул возле стола, пренебрежительно посмотрел на кипу бумаг, на рабочий ноутбук и деловито заговорил:

- Что-то раньше помнится ты в отпуска не торопился, Веня, а вот уж второй год как тебя кто-то подменил. Уж не Виктория ли?

Маневич подозрительно взглянул на друга.

- Ну, Борис, раньше дел у меня на производстве было больше, -- кинулся в разъяснения, Маневич, -- а теперь у нас плановый отдел возглавили сильные экономисты, с учёными степенями, доктора наук. Мне легче стало, да и ты, как начальник штаба производства, помощь всё-таки немалая. Заместители подобрались добрые, ребята грамотные, тоже со степенями кандидатов технических наук, производственный штаб наш вырос интеллектуально.

- Всё это так, Веня! - запел Гайдук. - Но я же вижу! Скажу тебе так, друг мой: Виктория на тебя повлияла! Это ей отпуска понравились, ты же ей в это время больше внимания уделяешь, а то всё работа, да работа, с утра до ночи, а женщинам мужское участие в жизни требуется, я имею ввиду в быту, и не смотри, что они искусственные, чувства у них, у жён наших, естественные. Взять хоть и мою Инсурэн…

- Ну ты как, доволен ей? - тут же поинтересовался Маневич.

- Ну с прежней, с Анжелкой, мать её за ногу, не сравнить! - ещё больше оживился Гайдук. - Теперешние наши искусственные жёны, даже язык не поворачивается так о них говорить, ведут себя совершенно не так как эти прошмандовки из плохой крови и плоти; они, эти киборги в женском обличье тонко чувствуют, что мужику надо в данный момент, и, что через неделю, через месяц, через год понадобится. К тому же, отличить их от обычных женщин при нынешних композитных материалах совершенно невозможно, ну разве что искусственные жёны умнее и красивее натуральных, и вообще киборги даже как-то естественнее этих дур, которых произвели на свет такие же дуры, да ещё как обычно плохо воспитали.

- Ну ладно! Чего разошёлся-то? - осадил друга Маневич. - И натуральные женщины бывают добрые, умные и красивые.

- Тхе! Бывают! - ядовито усмехнулся Гайдук. - Вот именно что бывают, только редко! В основном-то наше современное бабьё слишком требовательное, ленивое на бытовуху, пищу дома как правило приготовить не умеют и не желают; рестораны им подавай, золотые побрякушки, дорогие платья, да любовников. Ну вот скажи прямо, друг мой, на кой хрен нам такие подруги? Не подруги это, а спиногрызы, нахлебники, да я даже говорить про них не хочу. То ли дело моя Инсурэн! Мне для неё ничего не жалко! Только ей от меня кроме ласки тоже ничего не надо, они ведь, эти киборги, даже в пище не нуждаются, только воду иногда пьют, наверно, для охлаждения своих ядерных реакторов. Я вот нисколько не жалею тех десятков миллионов, что за неё уплатил, да я бы всё за неё отдал, что имею. Спасибо тебе, что помог и надоумил! Твоя-то Виктория как?

- Так же как и твоя Инсурэн! - доброжелательно усмехнулся Маневич. - О лучшей жене и мечтать не надо! Ты уже неоднократно давал очень лестную характеристику обоим нашим теперешним жёнам.

- Слушай, Веня! – спохватился Гайдук. - Мы вот тут прошмандовок из плоти нелестно так обсуждаем, а ведь они, я имею ввиду тех, что при хороших деньгах и купили себе киборгов-мужей, тоже нас, таких вот, сейчас помоями житейскими поливают. А?

- Поливают, конечно! - подхватил Маневич. - А ты как думал? Они это делают почище, чем мы, уж поверь моему жизненному опыту. А насчёт отпуска, Борис, так я ведь с Викторией на пляжах Кавказа и Крыма, как тюлень не лежу, по дорогим ресторанам не шастаю, а, наоборот, по бурным, горным рекам Сибири на катамаране или в каноэ сплавляюсь, в палатках с ней сплю в любую погоду и ничего, и никого не боюсь, она же медведю в лоб своим пусть небольшим кулаком даст и всё -- из него, бедолаги, дух вон. У неё в кулаке тридцать тысяч вольт напряжения, по её желанию, конечно. Помнится случай в тайге был: три сбежавших из колонии зека на нас вышли. Ясное дело обрадовались: трое против одного мужика, продовольствие у нас легко забрать, с Викторией побаловаться. Мужик с женщиной в глухой тайге – это же для молодых зэков подарок небес и сущий пустяк, легко с этой парой справиться. Да только облом у них на этот раз вышел: Вика их уложила одним мановением, а через три часа и погоня с собаками явилась, забрали этих голубчиков.

- Понятно - электрошок! - бросил Гайдук. - Пожалуй и моя так может.

- Конечно может! - утвердительно заметил Маневич. - Просто случая не было, наши жёны могут противника, обидчика, если мы захотим и прикажем, превратить в пепел.

- Ну этого, я думаю, не надо бы, - слабо запротестовал Гайдук, - а вот проучить наглеца совсем даже неплохо.

- Ну так поезжай с женой куда-нибудь - вот и испытаешь её! – усмехнулся Маневич. - Случай обязательно представится, хамья-то невоспитанного у нас везде хватает, и в нашей стране и за границей, сам ведь знаешь.

- Да хотелось бы! - согласился Гайдук. – Я ведь тоже года три, да больше, как в отпуске не был. Ну теперь уж после тебя пойду, заразил ты меня. И правда, всё работа, работа! Но

ты ведь на себе испытал: работа затягивает, она, что наркотик для наркомана или водка для алконавта…

*****

Историк Артур Иродов ещё неделю назад купил в бутике два куска тяжёлого шёлка светло-зелёного и телесного цвета с китайскими огурцами по полю. Принёс материал в пошивочное ателье и заказал две длинные, до колен, рубахи с рукавами без привычных обшлагов. Деловые работницы ателье без каких-либо вопросов о столь необычном покрое с заказчика сняли мерку, выписали квитанцию, где было указано, когда забрать готовые изделия. Через день заказ уже был исполнен и Артур, забрав рубахи, зашёл и купил в универмаге два широких ремня из натуральной кожи, а в военторге рядом -- сапоги двух размеров, на себя и Николая. Всё это добро принёс домой. Дома одну из рубах он примерил, не снимая джинсовых штанов, обулся в сапоги и опоясался ремнём. После чего присмотрелся, покрасовался перед зеркалом в прихожке, а мать, Василиса Алексеевна, увидев сына в странном наряде, удивлённо всплеснула руками.

- Никак жениться собрался? - тут же заявила она. – Давно пора! То-то, я смотрю, вырядился так красно, да ещё так вычурно, по старинной моде. Понимаю, девушку видать непростую присмотрел, поразить её хочешь древним, славянским нарядом.

Всю правду сообщать матери Артур не стал, да это и невозможно, пришлось изворачиваться:

- Нет, мама, это для театральной постановки! - соврал он.

- Ты когда жену приведёшь в дом? - несколько посуровела мать. - Лет-то тебе уж не семнадцать, а все двадцать семь скоро стукнет. Остепениться нужно, покон отцов и дедов соблюсти, ты же историк, должен знать, что государство без прочных семей рыхлое, слабое, его нетрудно уронить, так ещё предки наши говорили, и это истина, не требующая доказательств. Ну, мне что ли для тебя хозяйку в дом подыскивать, так это сейчас не принято, да и не угодишь вам, привередливым?

Артур, расправляя складки рубахи под ремнём, подмигнул отражению матери в зеркале, улыбнулся и произнёс:

- Ладно, мама! Как только, так сразу! Тянуть не буду!

- Ага! - воскликнула Василиса Алексеевна. - Если бы я тебя не знала! Привередливый ты, сынок, под твой характер едва ли ты нынче девушку по душе своей найдёшь.

- Это потому, мама, - тут же вступил в полемику учёный сын, - что девушки ныне слишком меркантильные стали, им богатые женихи нужны, да, чтоб старые ещё были, чтобы быстрей загнулись, и вот тогда они вступили бы в права наследства, чтобы распоряжаться не ею нажитыми миллионами по своему усмотрению.

- Ну, чего ты уж так-то? - опешила мать. - Неужели, прям, все девушки такие?

- Скажу, что все и не ошибусь! - убеждённо заявил сын. – Мода такая нынче! Поветрие! Ты же сама рассказывала, когда в России наступила горбачёвская Перестройка и рыночные отношения, то все девушки, вдруг, захотели стать проститутками, а парни – бандитами и мафиози. И вот такой недалёкий по интеллекту народ, мама, мечтает встретить братьев по разуму? Глупость несусветная! Да эти космические братья, узнав о таких мечтах, даже обижаться на такой народ не будут, на котят ведь не обижаются, они просто приспособят земное человечество под свои бытовые нужды и все дела. Не доросли мы, мама, до космоса!

- Может и правильно ты сказал - поветрие! - тут же возразила удивлённая таким резюме сына Василиса Алексеевна. – Насмотрелись молодые западных фильмов - вот и поветрие. А на самом деле молодёжь у нас хорошая, только наивная, всему западному верит, а те хитрые, западные деятели, само собой, стремились развратить нашу молодёжь, тебе ли историку не понять, западники всячески стараются развалить в конечном итоге наше государство. Ты же

сам отлично знаешь, что Европа никогда нашу Россию не любила, всегда нам пакостила; особенно в этом преуспела Британия и Франция.

- В старину, мама, - заговорил Артур, - девушку не спрашивали, выдавали её замуж втёмную и она начинала любить того мужа, какой ей достался, становилась хозяйкой в его доме. Теперь этот номер не проходит, современные девушки сначала легкомысленно, до одури, нагуляются, абортов понаделают, а потом выбирают себе мужей сами, которых, естественно, уже не любят и не уважают, а всё потому, что чувства свои по дороге жизни, в молоди, разбазарили, а на новые чувства сил у них уже не осталось.

- Ну ты уж совсем наших девушек принизил, затоптал, сын, - высказала укоризну Василиса Алексеевна. С чего бы это? Ещё ведь в семье своей не жил, опыта не имел?

- Ну так ведь мне не семнадцать лет, как ты правильно заметила! - иронично усмехнулся Артур и опять подмигнул отражению матери в зеркале. - А я бы вот непрочь взять девушку из, девятого-десятого, например, века. Вот возьму, да так и сделаю. Они, девушки те, - чистые!

Василиса Алексеевна уловила странный смысл в последних словах сына.

- Че-чего это ты за-задумал, сын? - как-то подозрительно и растерянно заикнулась мать.

Артур от зеркала повернулся к матери, улыбнулся, обнял её и, отступив на шаг, с улыбкой сказал:

- Сейчас мать, такие высокие технологии пошли, что можно невесту себе из любого века вытащить, неиспорченную, преданную, любящую, а красавиц там немеряно, и нрав у них, конечно, другой, кроткий и воспитаны они по-другому, в послушании отцу, а потом мужу. За семью свою, за мужа любимого готовы жизнь свою отдать, теперь таких дев днём с огнём не сыщешь, ну разве что в глухой тайге, в каком-нибудь заброшенном посёлке, чисто случайно. Всё, мама! Завтра уезжаю!

Глава 2.
ХЕРСОНЕС В ОСАДЕ

Вечером следующего дня Артур принёс на квартиру физика Гулова узел с новыми рубахами, ремнями и сапогами. Николай готовил в это время ужин на двоих: омлет с помидорами и сухарями, а ещё кофе. Друзья уселись ужинать, Николай, было, поставил на стол бутылку коньяка, но, увидев, что друг отрицательно замотал головой, убрал бутылку обратно в бар.

- Нельзя нам, Коля! – заговорил историк, намекая на алкоголь. - Неизвестно какая обстановка там, в том времени, надо быть трезвыми и готовыми ко всему, а у нас даже оружия нет, оборониться в случае чего и нечем. Должен тебе сообщить, что в те времена без холодного оружия по улицам и базарам ходили только монахи, да божьи люди, я имею в виду ущербных на голову, ну ещё женщины и дети до четырнадцати лет.

- Есть оружие, Артур! Есть, дотошный мой историк, и для десятого века непревзойдённое! - успокоил физик. - Во-первых, не забывай про силовое поле, которое не пробить даже винтовочной пулей с любого расстояния, а, кроме того, вот два револьвера, системы «Наган» и полсотни патронов к ним.

- Откуда у тебя огнестрельное оружие, Николай? – удивился историк.

- Откуда, откуда! - усмехнулся физик. - Оттуда! Генерал Маневич дал, позвонил в охранный отдел завода, распорядился, чтоб выдали, ну я пришёл и взял под расписку два револьвера с запасом патронов. Я же по секрету Маневичу шепнул, куда мы направляемся, а он мужик умный, образованный, сразу понял, что там, где мы задумали появиться, с чужаками разговор короткий: либо петля на шею и на ближайший сук, и будешь болтаться навроде вяленой селёдки, воронью на прокорм, либо секир-башка и в ближайший овраг, а там волки или собаки быстро сгложут и даже памяти от человека не останется.

- Не нагнетай страсти, Коля! - возразил историк. - В том суровом времени общество, всё-таки, христианское и заповеди Христа в отличие от нашего современника чтили свято.

- Общество хоть и христианское, господин историк, - охотно кинулся в привычный омут научного спора физик, -- но, если почуют фальшь в разговоре или незнание основных псалмов привычных молитв, то уж точно секир-башка. Заметь, что мы с тобой ни одной молитвы не знаем, ну и кто мы для них? Чужаки, весьма подозрительные лица!

- Нет, для них мы язычники! - пояснил историк. - А христиане, особенно русские, веротерпимы и к чужой вере у них отношение доброе. Кроме того, мы прибываем во времена языческие и князь Владимир Святославич еще не успел окрестить своих подданных, хотя в общей среде русских язычников христиан было уже немало, то адепты великой княгини, бабки Ольги.

- Та-ак, значит никто там, в десятом веке, нам угрожать не собирается? – усмехнулся физик.

- Мы прибудем в Крым во время военных действий князя Владимира с византийцами, -- пояснил историк. – Народ там, в Крыму, в том времени, всякий, сборный, даже маньяки могут быть, для которых кровь пустить, что собаке воды из лужи напиться, так что оружие, само собой, нужно надёжное, огнестрельное даже лучше. Но применять мы его будем только в крайнем случае, по-моему, нам будет вполне хватать силового поля. Учти, даже применив всего один раз это поле, язычники ужаснутся и посчитают, что мы под защитой богов, или сами являемся богами. Люди того времени чересчур суеверны, уж поверь мне как специалисту. Они нас стороной обходить будут, посчитают за нечистую силу, или, наоборот, молиться на нас начнут, что ещё хуже. Одним словом, хоть я и историк по образованию и по призванию, но честно не представляю как они, далёкие предки наши, нас встретят и как к нам отнесутся?

- Не будем гадать, друг мой! - заявил физик. - Мы возьмём с собой наши рюкзаки, я положил в них по килограмму ржано-пшеничных сухарей, по килограмму сухофруктов, грецких орехов, и по головке твёрдого сыра, а ещё вот добавляю по бутылке коньяка, уж он-то точно пригодится, походные котелки для каши и чая, кладу и две пачки чая, а ещё вот добавляю по берестяной кружке, специально купил в магазине сувениров. А из холодного оружия повесим вот на поясные ремни, кроме кобур с пистолетами, -- вот эти гладиусы, римские пехотные мечи. Кстати из хорошей стали, не сломаются и не погнутся, их ковали в Сирии, а там мастера добрые.

- А где ты взял пехотные мечи римлян? - удивился Артур. - Не в магазине же сувениров?

- Здрасьте, я ваша тётя! - усмехнулся физик. - Так они у нас ещё с прошлого раза остались, когда мы были в Константинополе. Стефанию, так он помнит, а, что оружие на нас было, так он запамятовал.

- Да ничего я не запамятовал! – рассердился Артур. - Просто из головы вылетело! Я всё ж в современном мире живу, где оружие на поясах не носят, во всяком случае открыто не носят…

- Ладно, давай переодевайся! - распорядился Николай. - Джинсовые штаны оставляем на себе, вещь крепкая. На вот тебе к сапогам фланелевые портянки, тряпки незаменимые.

Парни переоделись, подпоясались, прицепили к поясам оружие, взглянули в зеркало.

- Деньги ведь нужны! – заметил историк. - Доведись что-то приобрести, крайне необходимое, и за спасибо нам ничего не дадут.

- На вот римские деньги! - сказал физик, передавая кошель с монетами историку. – Будешь в нашей маленькой кодле финансовым директором, по-ромейски квестором или по-римски сигнифером, казначеем. Эти деньги ещё с прошлого похода остались.

Историк быстро смекнул какие это деньги.

- Ишь ты сохранил! А что!? Нормальные деньги! - согласно заговорил Артур. – На Руси времён Святослава и Владимира вовсю пользовались римскими ещё золотыми ауреусами, серебряными денариями и медными дупондиями с ассами, просто сами византийцы называли золотые ауреусы византиями, серебряные денарии – милиариссиями, а всякую медь – фолла, фельсы и так далее. Хотя в Византии уже давно чеканили свои золотые византии, серебряные милиариссии и медь. Кстати, на Руси кроме ромейских денег в обращении были и арабское серебро -- дирхемы, медные пулы и махбубы, даже ходили европейские флорины и талеры, было и своё серебро. Торговля, я тебе скажу, в русских городах того времени в Киеве, в Чернигове, в Полоцке, в Смольне, в Великом Новгороде вовсю шумела базарами и рынками с иностранными торговцами. И ведь стратегическим товаром на этих русских рынках было льняное полотно на паруса и рабочие туники, зарубежные торговцы закупали полотно целыми партиями, рассчитывались своим золотом, своим серебром – вот отсюда на Руси и дирхемы, и византии с талерами. А ещё товаром первой необходимости на наших рынках были бочки всех видов и телеги, очень ценилось оружие, кольчуги, шлемы, нагрудная бронь, качество очень высокое. Ну, а резная, деревянная посуда, ювелирка – это уже мелочь, но ведь и её иностранцы закупали. Из продовольствия заграница покупала у нас большие партии пшеницы и высший сорт ржи – полбу, я уж не говорю про ячмень, пшено, гречу, овёс, солёное сало, копчёные медвежьи окорока, гусей, да много чего…

- Ну ладно, хватит! Вот и добро! - оборвал и подвёл черту физик. – С деньгой вопрос решён.

Но тут новая мысль поразила историка:

- Слушай, Николай! – взволнованно заметил историк. - А ведь во времена князя Владимира говорили на старославянском, наш современный язык люди не поймут и вполне могут применить к нам насилие, потому что сочтут чужаками, вражескими агентами. Ну, что нам постоянно под силовым полем спасаться?

- Не беспокойся, мой друг! - заговорил физик, обнажая древний прибор на левой руке. – Сейчас запрошу у навигатора язык общения десятого века. Ну вот, порядок, сейчас будем отлично знать старославянский язык.

Физик приложил навигатор к своему левому виску, с минуту подержал, после чего приложил прибор к виску историка. Артур ощутил лёгкую мелкочастотную вибрацию, а, может, это ему только показалось, но всё же, видимо, какая-то информация волнами шла из прибора.

- Ну вот всё! – сообщил уже по-старославянски физик. – Отправляемся, Артур! Ставлю десятый век, девятьсот восемьдесят восьмой год, место прибытия – берег бухты возле города Херсонеса.

- Стой, Николай! – заволновался опять историк. – Вот ты сам-то хоть соображаешь как этот навигатор работает, как он перебрасывает нас из одного времени в другое, в прошлое, например? Насколько мне позволяет моё образование, природа не может допустить машину времени – это какой-то парадокс.

Физик ненадолго задумался, но вот встрепенулся, в голосе его прозвучало напряжение:

- Да чёрт его знает, я и сам запутался, самому себе объясняю по-разному, научные гипотезы строю. Уж очень сложный прибор – вот она сила вселенной и сила чужого разума! Отец квантовой физики Макс Планк разработал систему малых порций энергии, а отец теории относительности Альберт Эйнштейн вполне допускал замкнутые времениподобные кривые, ну, а его друг, Гёдель, разработал уравнение, где течение времени не есть фундаментальное свойство природы. Чувствуешь грандиозность, мой друг? УЧЁНЫЙ ДЕРЗКО ОТБРОСИЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ! Грубо говоря следствие вполне можно поставить впереди причины и тогда мы входим в петлю времени, в прошлое, и, главное, энергии на этот переход требуется совсем немного. Как древние учёные добились этого перехода и сотворили этот чудесный прибор, сам чёрт ногу сломит – вот так, дружище! И работает он от ядерного микропроцессора, и то я ведь внутрь прибора заглянуть не в состоянии, это моё предположение, а подзаряжается он, думаю, от гравитации планеты, от солнечной энергии, да мало ли отчего. Всё, поехали, брат! Три, два, один, ноль…

Послышался треск разрываемого куска брезента, в глазах историка полыхнула короткая, сине-фиолетовая вспышка и вот Артур увидел скалистый берег, спокойную, даже какую-то сонную гладь воды в бухте, с поверхности которой поднимались косынки лёгкого тумана. С левой стороны, над синими складками гор висело розовое, будто умытое росой, утреннее солнце, которое лениво освещало неподалёку грубую гребёнку крепостной стены города. Недалеко от стены и далее вдоль неё виднелся, просыпающийся, с лёгким гомоном, лагерь какого-то воинства. Какого, Артур уже догадался…

*****

Друзья пока не знали как поступить и первым делом устроили себе костерок с таганом из сухих и сырых веток верболозы, что росла рядом. Для костра парни собрали ещё немного сухого плавника на берегу бухты. Подвесив котелок с водой из протекавшего неподалёку ручья, Николай бросил горсточку настоящего, индийского чая, который привезли ему девушки-лаборантки будучи в отпуске, аж из самого Джирджиллинга и божественный аромат поплыл вдоль берега. Физик снял котелок с горячим чаем с перекладина, накрыл его большим листом лопуха, чтоб настоялся и немного остыл, не пить же кипяток.

- Я должен тебя ввести в курс событий этого бурного времени, Коля! – заговорил историк. - Практически все основные события, связанные с крещением Руси, женитьбой князя Владимира на принцессе Анне, произошли в этом 988-м, знаменательном году. Очень уж знаковый год!

Николай зачерпнул чая в две кружки, одну подвинул в сторону друга.

- Рассказывай, Артур, -- заговорил физик, приготовившись слушать.

Артур, отхлебнул горячего напитка из своей кружки и восхищённо заметил:

- Надо же! Какой-то особый чай! Я такой ароматный первый раз пью! Непередаваемые ощущения!

- Так это же не та смесь, которую нам продают в бутиках и чайных домиках! – похвалился физик. – Настоящего чайного листа в той смеси только десять процентов, остальное – это чайная солома, веточки, пыль и опилки. А вот в этом, что наши девчонки привезли из Индии, аж из самого Джирджиллинга, так называемого чайного центра, отборный чайный лист, отлично сферментированный. Ну ладно, ты давай рассказывай, Артур! Кайфуй с настоящим чаем и вводи меня более подробно в курс событий этого бурного времени.

Ну так вот: ещё при князе Святославе, -- начал свой рассказ историк, -- в Крыму возникли первые русские поселения. Ну, а потом, при господстве на Руси его сына, великого князя Владимира, который массово крестил своих земляков, Православная церковь впоследствии нарекла князя Святым. Вот незадолго до этого знакового события, в это далеко непростое время, и начался новый этап борьбы за Крым. Дело в том, что князь Владимир задумал великие дела – встать на одну ступень с Византийской империей, а это значит надо окрестить Русь и жениться на византийской принцессе. То, что у князя Владимира была уже семья и жена Рогнеда с четырьмя детьми, его не смущало, князь был человеком решительным, ставил великие цели, государственного значения. Княгиню Рогнеду с детьми он отправил в Полоцк, сделался, якобы, холостым. Была у него ещё жена болгарка, и ещё какие-то жёны, всех он отправил в разные места и распустил наложниц, одним словом, разогнал всё бабьё по разным углам, стал свободным.

- Ишь ты, хитрец какой! - бросил Николай.

- Такова политическая ситуация на то время, друг мой, и это она диктовала свои условия. Великие цели требуют больших жертв! – заметил историк. – А потом семья ведь не брошена князем, а отправлена на кормление полоцким округом, родным княжеством княгини Рогнеды. Да и другие жёны были обеспечены «кормлением». К тому же русский князь отлично знал, что византийская принцесса Анна девушка очень набожная и по христианскому покону никакого многожёнства не потерпит. И нужно учесть, что именно князь Владимир крестил Русь, и именно Крым стал благословенной землёй, где свершилось превращение языческого вождя в православного князя.

- Да уж понятно! - согласился Николай.

- Происходило это, - невозмутимо продолжил Артур, - при весьма драматических обстоятельствах: Владимир победил своего брата Ярополка в междоусобной борьбе, разгоревшейся после гибели Святослава и Русь избежала распада, она снова стала единой. И вот тут-то победивший князь Владимир понял, что единой державе нужно нечто большее, чем языческие верования предков, тем более, что был яркий пример европейских соседей, где христианство царило почти повсеместно, доставшееся Европе от Римской империи. Владимир посчитал, что нужно принимать христианство, но православного толка, такого какое распространено у могучего соседа Руси – Византии. Именно там можно найти необходимых для крещения священников, богословские книги и предметы культа. К тому же, немало христиан уже присутствовало в его свите и дружине.

- Пожалуй, справедливо! – буркнул Николай.

-- Но надо сказать, друг мой, - монотонно продолжил Артур, - что отношения у Руси с Византией в тот момент сложились далеко не идеальные. Византийцы ещё не забыли, как потрясал устои их империи воинственный князь Святослав в 970-971-м годах. Тогда державе ромеев с большим трудом удалось победить «скифских варваров» во главе с отцом Владимира, князем Святославом. Русские вознамерились прочно обосноваться на Балканском полуострове, а это уж ни в какие ворота. Понадобилось напряжение всех военных сил империи, чтобы вытеснить Святослава за Дунай. А после понадобились мешки золота, чтобы подкупить печенегов и заставить их напасть на русского князя, возвращавшегося на Русь после тяжёлого

похода. Святослав погиб, но к Руси с тех пор в Константинополе было весьма напряжённое, даже враждебное отношение. Византийские императоры не желали помогать «скифам» ни в чём – даже в том же крещении, хотя этот, скорей политический акт, был бы для Византии очень выгодным.

- Ишь ты, какие злопамятные! - бросил Николай.

- Слушай дальше! - заметил историк. - В начале правления князя Владимира ситуация в Византии резко изменилась: там разгорелся военный мятеж, да и не один. Сначала восстал командующий восточными армиями архистратиг Варда Склир. Для борьбы с ним император Василий П отправил войско под началом командующего Варды Фоки Младшего, который, одержав победу над войсками Склира, провозгласил себя императором. В самом начале этого 988-го года войска мятежников подошли к самой византийской столице, от которой их отделяет только пролив Босфор. А тут ещё болгары начали опустошать владения Византии в западных землях. Положение империи стало критическим, император Василий П отчаянно нуждался в помощи и готов был принять её от кого угодно, хоть от самой нечистой силы. Поэтому, дружище, когда император узнал о желании князя Владимира принять крещение он с радостью высказал желание помочь русскому князю. Но взамен Василий П просил войско для борьбы с мятежниками.

- Ясно! Положение у императора Византии, Василия П Болгаробойцы, хуже некуда! - резюмировал Николай, подливая горячего чая другу, не забывая и себя.

Историк отхлебнул ароматного напитка и, взглянув на друга, продолжил своё повествование:

- Болгаробойцей Василия П назовут потом, - пояснил Артур, - уже в начале одиннадцатого века, когда император Византии утопит восставших болгар в их же крови. Ну, а пока важные события происходят в 988-м году. Князь Владимир Святославич согласился выручить из беды незадачливого императора, но потребовал у Василия П, помимо крещения, отдать ему в жёны свою сестру, принцессу Анну. Императору не оставалось ничего другого как согласиться. И вот этот факт красноречивее всего говорит о том, насколько катастрофическим было положение Византии на тот момент. Учти, друг мой, что византийские императоры считали себя прямыми наследниками великой Римской империи, а государей других европейских стран они считали варварами, недостойными того, чтобы входить в семейные отношения с византийскими принцессами. Даже когда германский король, Оттон Великий, создатель Священной Римской империи и очень влиятельный в Европе монарх, пытался посвататься себе для престижа и веса в жёны одну из принцесс византийского дома, ему было с презрением отказано.

- Ишь ты, какая гордыня! - бросил Николай.

- И вот, пожалуйста - опять неслыханное дело! Отдать в жёны какому-то варвару родную сестру самого императора! Разве можно придумать большее унижение? Но сложившаяся политика заставит сделать и не такое, чтобы сохранить престол Василий П согласился пожертвовать сестрой. Ну, а для князя Владимира этот брак был нужен не для устройства семейной жизни, свадьбе с принцессой Анной придавалось сугубо политическое значение, поднимало престиж Руси в мире. Ты же понимаешь, Коля, если женой русского князя станет представительница византийской правящей династии (династии, которая отказывает в брачных союзах французским принцам и германским королям), то престиж Русского государства в мире автоматически поднимается на невероятную высоту.

- Понимаю, Артур! - быстро согласился слушатель.

Заключив устно русско-византийский союз, князь Владимир отправил в помощь императору Василию П отряд в шесть тысяч матёрых воинов. Учти, по тем временам это очень внушительная сила. Соединённые войска русских и византийцев, конечно, быстро разгромили войско мятежного архистратига Варды Фоки под Хрисополем, что на берегу Босфора. Затем русский отряд быстро помог императору восстановить свою власть во всех уголках империи.

Вот хронист Яхья Антиохийский документально упоминает о боевых действиях русских воинов в составе византийского войска даже в районах северной Сирии.

Артур на короткое время прервался и взялся за кружку с чаем, чтобы сделать несколько глотков ароматного напитка. Промочив горло, историк повёл свой рассказ дальше:

- Однако гордый император Византийской империи, этот упрямый осёл Василий П, окружённый врагами и недоброжелателями, не спешил выполнить своё обещание насчёт сестры Анны и официального крещения Руси. Он рассудил так: мол, поскольку опасность для его трона хоть и велика, но русский варвар может обойтись и без византийской жены, и без крещения. Василий выжидал и упорствовал, несмотря на все те беды, что свалились на его голову. Вот тогда великий князь Владимир Святославич и решил показать заносчивым византийцам «кузькину мать», что с Русью такие номера не проходят: пообещал – выполняй. И вот сейчас, Коля, перед тобой и есть тот самый Корсунский поход Владимира Святославича. Как видишь, крепость Херсонес обложена войсками князя Владимира, погоди вот скоро к нам кто-нибудь из полевого охранения княжеской дружины подойдёт…

*****

Как в воду глядел историк: к друзьям подошли три окольчуженных воина в стальных шлемах, с копьями и мечами у пояса. Один из них, бородатый, кряжистый, видимо, старший, строго спросил:

- Вы кто будете, хлопчики? Видно, что не торговцы, по виду тако воины, а чьи?

Артур поспешил ответить по-старославянски:

- Мы хронисты, Симеон! Путешествуем вдвоём! Вот прибыли сюда, под Херсонес, дабы быть свидетелями взятия ромейской крепости великим князем Владимиром. Садитесь с нами чай пить!

- Хронисты говоришь?! Откуль ведаешь имя моё? А иде ж ваши кони? – начал допрашивать дотошный патрульный, не отреагировав на приглашение к чаю. - Пешком далеко не уйдёшь! А ну, да вы вовсе не хронисты, а ну, аще вы из крепости, соглядатаи, и высматриваете, где способнее ударить по нашему воинству? Да и выговор у вас не совсем чистый, може вы ромеи, да и мечи, я гляжу, у вас ромейские? Придётся вам, ребятки, пройтись с нами до сотника тайных дел, пущай он с вами вожгается, дознание чинит.

- Пошли! - быстро согласился Артур, подмигнув физику.

Оба друга поднялись и Артур взялся за котелок, чтобы залить костерок, но старший патруля остановил:

- Погодь, хлопец! А ну дай глотнуть! Дух и впрямь, добрый! То ж дорогой китайский чай!

Историк охотно вручил котелок бородачу, напитка в посудине было не меньше половины. Старший приложился губами к котелку, сделал приличный глоток, передал котелок товарищам, а сам сделал заключительный вывод:

- Такой чай шибко дорогой, к нам его привозят токмо от ромеев, за четверть фунта этого чая корову отдают, аль два десятка мешков отборной пшеницы, тако что, робятки, никакие вы не хронисты, а лазутчики из крепости. Айда до сотника Гавриила, он дознается откуль вас принесло. Оружье своё отдайте по-хорошему, оно и видно, что мечи у вас ромейские, из крепости, стало быть…

Друзья отстегнули ножны с гладиусами и передали их патрульным, на кобуры с револьверами воины не обратили никакого внимания, сочтя их за какие-нибудь талисманы. Откуда им было знать, что это очень грозное оружие, которым любой из этих хронистов в мгновение ока мог бы прикончить всех троих. А пока старший патруля пошёл впереди, за ним хронисты, а рядовые патрульные с копьями наперевес пошли сзади. Пройдя мимо несколько костров, вокруг которых сидели кружками по десятку воинов без шеломов, мирно завтракающих ячменной кашей с берестяных тарелок деревянными ложками, процессия с арестованными хронистами подошла к одному из костров, возле которого сидело трое бородачей в льняных

рубахах без кольчуг и шеломов, плечи и руки выдавали в них могучих молодцов. Тройка этих бородачей с любопытством уставилась на пришедших и пока старший патрульный докладывал одному из бородачей кого они задержали, Николай Гулов включил аппарат силового поля на первую позицию, а это два метра в диаметре и два в высоту.

После доклада патрульного подозрения к друзьям усилилось, троица поднялась от костра и один из них, видимо, Гавриил, распорядился:

- А ну-ка, хлопцы, подтащите сюда этих молодцов, сейчас мы их спытаем огнём! Они у нас живо признаются откуль явились и чего тут выведывают! Аще с городу, тако пущай покажут лаз в стене, али под стеной!

Два мордоворота двинулись к арестованным хронистам и, наткнувшись на невидимую стену силового поля, беспомощно затолкались на месте. Наконец, один из них заявил:

- Гавриил! Взять неможно! Видать заговорённые оне!

Тот, кого назвали Гавриилом, сам шагнул к арестованным, которые с улыбкой наблюдали за действиями молодцов. Соответственно, Гавриил также упёрся в невидимую стену, ткнул кулаком в пустоту и кулак у него упёрся во что-то тугое, в какую-то непропускающую стену. Лицо его побагровело и стало пятнистым, а вскоре и совсем бледным. Двое его подручных растерянно переводили взгляды с начальника на патрульных и на задержанных. Наконец, Гавриил негодующе прохрипел:

- Уж не нечиста ли то сила? Ты кого нам тут привёл, Симеон? То же антихристовы дети! А я верую во Христа и Святую Троицу, с детства крещён, то вера моей матери и княгини Ольги!

- Тако погоди, Гавриил! – поспешно ответил старший патруля. - Оне ж лазутчики из крепости, вот и оружье своё нам отдали добровольно, и вот подозрительно, что меня по имени назвали, чай дорогой из Синда пили.

Гавриил растерянно посмотрел на Артура и Николая, поспешно перекрестился и несмело спросил:

- Вы, хто таки, робятки? Веруете ли в Господа нашего, Христа?

- Веруем во Христа и учение его, Гавриил! Вот те Крест Святой! Повторяю уже не раз, сотник! - заговорил Артур. - Мы хронисты, из будущих времён, прибыли вот воочию убедиться как князь Владимир принудил императора ромеев Василия П к миру и выполнению своих обязательств по личному крещению, и крещению Руси. Вам лучше доставить нас к князю Владимиру. Поймите, нас вам не взять, понеже нельзя пощупать будущее руками. Мы не воины и не лазутчики ромеев, мы такие же русские люди, что и вы, мы плоть от плоти вашей, только из будущих времён. Всё! Ведите нас к князю!

Гавриил, выслушав, широко и истово перекрестился.

- Ну, пошли, коли тако! - согласно заговорил Гавриил. - Надежду имею, что худа моему князю не доставите. Перекрестите лбы свои, аще нет у вас мыслей худых.

Друзья дружно перекрестились и, видимо, сразу уверенно успокоили христианскую душу Гавриила, который сделал знак рукой, чтобы хронисты следовали за ним, а другой рукой остановил своих помощников, ринувшихся, было, за своим начальником.

- Сидите тут, я уж вижу, что люди эти святые и вовсе не сатанинское отродье, коли, тако истово кладут на себя крестное знаменье. У детей антихристовых рука не поднимется Крест Святой на себе испробовать, понеже сгорели бы в одночасье…

*****

Возле большого шатра из отбеленного льна, у входа стояли два воина с копьями. Сотник Гавриил подойдя коротко сказал:

- Слово и дело! Доложи князю, Козьма!

Один из воинов шагнул в шатёр и вскоре вышел, указав ладонью на вход. Гавриил, кивнув хронистам головой, чтобы шли за ним, двинулся в шатёр. Внутри просторного походного дома друзья увидели в центре костёр, голубоватый дым из которого шёл прямиков вверх и выхо-

дил наружу через большое, размером с тележное колесо, отверстие. Над костром, где краснели только угли от прогоревших дров, на железной перекладине походного тагана висели два прокопченных котелка, из одного шёл пар и распространялся аромат настоящего чая, который друзья недавно пили.

Возле костра, на восточном ковре, скрестив ноги в позе лотос, сидели два человека средних лет в рубахах без подпояски; в руках у обоих были берестяные кружки с чаем. Сотник Гавриил, войдя в шатёр поясно поклонился сидящим возле прогоревшего костра, хронисты за сотником тоже слегка согнули головы. Один из мужчин в розовой рубахе из тяжёлого шёлка с аккуратно подстриженной бородой и усами заговорил:

- Что за нужда у тебя, Гавриил, с утра пораньше?

- Да вот, княже, два святых человека с тобой встречи ищут! - пояснил сотник. - Говорят, что они хронисты и, якобы, из будущих времён и желают запечатлеть в летописях подвиг твой при овладении твердыней сей, крепостью, ромейской, Корсунью.

Гавриил отступил в сторону и Артур с Николаем ещё раз вежливо поклонились князю. Тот пытливо посмотрел на друзей и левой рукой дал знак присесть гостям к костру. Импровизированные хронисты без стеснения уселись напротив князя и его советника на другой ковёр возле костерка. Советник князя быстро поднялся, шагнул к походному сундуку, вынул оттуда две берестяные кружки, зачерпнул из котелка горячего чая и поставил возле гостей. Друзья, хотя и попили недавно уже своего чая, не стали отказываться от угощения, да и вроде как неприлично. Гавриил, сослался на дела и князь махнул рукой, отпуская сотника.

- Ну, что скажете, господа летописцы? - заговорил князь, приветливо улыбаясь в тёмно-русые усы.

- Мы ведаем, князь, -- заговорил Артур на старославянском, -- какие трудности возникли у императора Василия П из-за восстаний архистратигов Варды Склира и Варды Фоки и как ты помог ему усидеть на византийском троне, направив ему в помощь шеститысячный отряд матёрых воинов. Знаем и то, что император упорствует и не спешит исполнить своё обещание насчёт крещения и выдачи тебе в жёны своей сестры Анны. То, что византийские императоры люди коварные от природы, нам тоже известно. Западно-Римская империя потому и пала, понеже правители Рима окончательно запутались в дворцовых интригах, и, видимо, печальный пример Рима ничему не научил Константинополь.

- Ты рассуждаешь здраво, хронист! – бросил князь. – И что ты мне насоветуешь?

-- То, что ты осадил Херсонес, правильно и справедливо! - продолжил историк. - Тем самым ты лишил Византию больших доходов, ведь Херсонес находится в центре всех торговых путей на Чёрном море, почти тридцать процентов торговых операций проходят через херсонесские порты, треть хлебных закупок для Византии тоже идёт через Херсонес, и, если Александрия по какой-либо причине перестанет поставлять в Константинополь африканскую пшеницу, то выручить Византию хлебом, спасти её от голода и тем самым от восстаний народа сможет только Русь и частично Балканские провинции.

Князь наклонил голову в знак согласия и заговорил:

- Я вижу, господа хронисты, что сердца ваши преисполнены сочувствия к делам нашим и уже это говорит нам, что запечатлеете вы в летописях всё верно и отразите замыслы наши широко и полно. Вижу, что разделяете вы заботу мою: хватит жить нам, русичам в дикости и злобе, где в многобожии запутались родители наши, пришла пора остепениться, яко говаривала бабка моя, христианка, княгиня Ольга, пора принять христианскую веру всему государству нашему по примеру соседей наших. Ну, а, дабы подстегнуть тугодума я лишу ромейского упрямца, императора Василия П всех северных доходов из города Корсуня, всех пошлинных сборов и товаров с севера. Император Василий П не дурак, он быстро сообразит, что с северным соседом надо жить в дружбе и проверять меня на прочность себе дороже.

- Крепость ты возьмёшь, князь! - решился сказать Артур. – Гарнизон не дождётся помощи от Константинополя и сбежит морем из города, а предатели подскажут тебе как овладеть твердыней.

- Добро, ребятки! – улыбнулся князь. - Я уже думал об этом: без гарнизона город падёт. Однако я с дружиной пришёл сюда ещё зимой, но тут было тепло и вот уже месяц торчу тут, под стенами Корсуня. Весна вот наступила, восточные ворота мои молодцы пробовали разбить тараном, но византийские лучники с башен и стен не дали того содеять. Пришлось отступить, чего зря людей терять. Начали вот ров крепостной заполнять камнем, деревом, землёй. Решил я измором крепость взять, но вот намедни поймал тут Гавриил со своими мордоворотами одного городского лазутчика и хитрец этот сообщил нам, что продовольствия в городе запасено столько, что на три года хватит.

Князь пытливо посмотрел на своих гостей и слегка улыбнулся.

- Но скажу вам, ребятки, - тихо заговорил он, - что я намерен стоять здесь хоть тыщу лет, здешние ромеи долго не усидят за крепкими стенами, продовольствия у них, думаю, и на год не хватит, а все товары, что идут сюда в мои руки попадают, а Константинополь терпит большие убытки. Императора Василия П терзают свои же враги, ну и пущай они его грызут. Так что оставайтесь, хронисты, при мне, при войске, очами своими увидите события важные, великие, для потомков наших, для русичей зело нужные…

*****

Начальник гарнизона города-крепости Херсонес, стратиг Стефан Фока, с утра взошёл на западную башню, что выходила к морю, а вернее к бухте и нависала над ней. Стены в Херсонесе мощные, толщиной в сажень, а по высоте в четыре-пять саженей, два десятка башен в общей стене были вообще от шести до семи сажен (12,4 м. до 14,6 м.). Из всех укреплённых городов Византийской империи каменная ограда Херсонеса уступала только более мощным и высоким стенам самого Константинополя. Стефан знал и был уверен, что такую твердыню как Херсонес, который располагался на юго-западе скалистого побережья полуострова, до сих пор не удавалось одолеть никому, и окрестные племена в Таврии, и не только в ней, это хорошо знали. Они уже давно не пытались приступом взять богатый город, проще, надёжнее и выгоднее было торговать с византийцами.

Уже месяц русская дружина с отрядом викингов под началом князя Владимира стояла под стенами Херсонеса. Ещё тогда, месяц назад, ранним утром, когда ещё ночная серость при звёздном небе неохотно уступала место рассвету, стратиг Стефан, стоя так же вот на верхней площадке башни, увидел как вместительную бухту заполнили многочисленные лодьи русских скифов. Пользуясь утренней темнотой, серым рассветом, русские быстроходные корабли проскользнули в гавань Херсонеса. Видно было как вражеские воины в полной безопасности высадились на берег и запалили множество костров.

Жители города с беспокойством в душе смотрели с высоты стен как русичи по-хозяйски жгли костры, жарили под открытым небом на этих кострах целые туши быков, стада которых они бесцеремонно конфисковали в посёлках жителей Херсонесской вебы. Русские воины беспечно пировали, пели языческие гимны и поднимали чаши с вином. В первую ночь горожане провели без сна, боялись, что русичи с викингами начнут ночной штурм стен Херсонеса, церкви были переполнены молящимися, но незваные гости даже и не подумали предпринять штурм крепости.

Но вот начались тревожные дни осады. Уже через день русичи подошли к стенам на расстояние полёта стрелы и с уважением смотрели на мощные каменные башни, а ещё ведь тут был глубокий и широкий, в две сажени (4,3 м.), ров пред высокими стенами. В тот же день князь Владимир послал стратигу Стефану нескольких пленных византийцев с предложением сдать город. Стефан, естественно, ответил отказом. Нашлись греческие торговцы, хорошо владеющие русским языком. Они громогласно кричали со стен:

- Уходите подобру-поздорову! Знайте, язычники, что скоро император пришлёт сюда корабли со своим могучим войском и вас всех тут до единого истребят!

Русичи на эти угрозы не реагировали и попытались разбить одни из четырёх ворот тараном. Эти глухие тяжёлые удары заставили содрогнуться сердца защитников города. Но вскоре лучники гарнизона отогнали варваров своими острыми стрелами. Время шло. Осада не давала результатов, но и русичи упорствовали, они под защитой своих лучников начали со стороны суши засыпать ров, в ход пошла не только земля и песок с береговой полосы, но камни, которых было здесь немало, поваленные ветром деревья, даже трупы собак и других животных, в общем всё, что под руку попало. Князь решил нарастить холм земли вровень со стеной и уж тогда штурмовать крепость.

Но вот эта, в принципе неплохая, тактическая задумка тоже оказалась неудачной, а всё потому, что дружинники князя днём натаскивали грунт в ров и возводили часть холма у стены, а на ночь беспечно уходили в лагерь спать. Горожане же, выкопав потайной лаз под стеной как раз в этом месте, за ночь весь этот разнообразный грунт забирали в рогожные мешки и сносили в город, и уж вскоре на площади вырос большой холм из камней, деревьев, земли, песка и дохлых собак.

*****

Обеспокоенный нашествием северных соседей, протевон города Зиновий Баттиста вызвал в дом администрации доместика гарнизона, стратига Стефана Фоку и имел с ним довольно напряжённый разговор. Он усадил доместика в плетёное кресло возле низкого столика, на котором кроме серебряного кувшина с разбавленным вином и лёгкой плетёнкой из виноградной лозы, наполненную кусками козьего сыра, лежал свиток с перечнем примерных убытков всей Херсонесской вебы за последний месяц.

- Послушай, стратиг! - говорил Баттиста. - Положение у нас незавидное, вся Херсонесская веба, всё побережье, под варварами-русичами, наши люди в посёлках и монастырях, пусть хоть и невольно, но отдают скифам скотину, оливковое масло, сыр и хлеб, вино и зелень, рыбаки на побережье ловят рыбу и тоже отдают русичам, да при таком снабжении эти скифы могут сидеть тут под стенами крепости хоть тыщу лет, а вот люди города Херсонеса сидят на сушёной и солёной рыбе, ячменя, овса и пшеницы у нас едва ли хватит на год, масла ещё меньше, свежей пищи вообще нет и не предвидится. И что мне прикажешь делать вот с этим, доместик?

Протевон злобно ткнул волосатым пальцем в свиток.

- А что это? – спросил доместик, небрежно плеснув разбавленного вина в пиалу.

- Здесь перечень убытков на два с лишним миллиона византиев, Стефан! Два миллиона золотых! – протевон закатил глаза к потолку. – Господи! Убытки-то, убытки какие!? Мои хартулярии и коммерциарии не подсчитывали ещё упущенную выгоду от товаров, которые не прошли через наши таможни. Ну вот что делать, я тебя спрашиваю, стратиг?

- Не беспокойся, Зиновий! – принялся уговаривать стратиг. – Твердыни нашей варварам не взять, обломают зубы свои и рога. Постоят, постоят, да и уйдут ни с чем!

- Ага! Прямо вот так возьмут и уйдут!? - взорвался протевон. - Чего болтаешь-то, доместик? Да они пока всю скотину в здешних горах и посёлках Херсонесской вебы не съедят…

- Скоро император пришлёт войско! - успокаивал доместик.

- Слушай, Стефан! Я человек не военный, но, может, вывести твоих отважных стратиотов из крепости и дать сражение скифам в открытом поле? – несмело предложил протевон. -- Чего мы ждём, варвары при таком снабжении продовольствием не уйдут из Таврии и уж обязательно дождутся, когда у нас начнётся голод, а тогда мы любые их условия примем. Ты этого хочешь, стратиг?

- Ничего я не хочу, Зиновий! - встал на дыбы доместик. - Для сражения в поле у меня мало людей, протевон! У меня всего четыре когорты стратиотов с велитами и всего одна ката-

фракта конницы – это полсотни тяжеловооружённых всадников. Подождём флотилию дромонов с войском императора, Зиновий! Столица обязательно придёт к нам на выручку!

Протевон, не глядя, плеснул себе вина в пиалу больше, чем на добрый глоток, лихорадочно приложился к пиале и чуть не захлебнулся от великого раздражения. Но всё ж, прокашлявшись, возопил:

- Императору Василию сейчас не до нас, Стефан! – заговорил протевон. - У него, сам знаешь, народные волнения в центре и на юге, Варда Фока возомнил себя императором и провозгласил себя базилевсом, и некоторые доместики и чиновники империи изменили присяге. Ладно, если к нам придут дромоны императора с войском, а, если не придут, да и сколько их ждать?

- Ну что ты, Зиновий, в такой нуне пребываешь? - невозмутимо заметил доместик. – Кстати, архистратиг Варда Фока глоткой своей больше берёт, а полководец из него худой.

- С какой стати? – психанул протевон. – Мы мало что здесь знаем, так, слухи одни.

- Да вот слушок такой давно идёт, - понизил голос доместик.

- Слушай, Стефан, этот Варда случаем тебе не родня ли? - злобно бросил протевон. – Тоже ведь Фока!

- Я генеалогией не занимаюсь, Зиновий! - отрубил доместик. - И этого Варду знать не знаю и не слыхивал о нём до нынешнего времени никогда, может, прадеды как-то и роднились, чёрт бы их побрал, про то не ведаю, и отец мне не говорил, да и наплевать мне на этого выскочку.

- Ты успокойся, стратиг, - мягко заговорил протевон, - я, пожалуй, соглашусь с тобой, император обязательно придёт нам на выручку.

Протевон взглянул в открытое окно, перевёл взгляд на столик, за которым сидели собеседники, после чего с надеждой взглянул на стратига. Чиновник самолично налил в фаянсовые пиалки разбавленного водой вина из узкогорлого серебряного кувшина, подвинул ближе к собеседнику чашку с кусками сухого, слабосолёного, козьего сыра и, успокаиваясь, произнёс:

- Хорошо ещё, что скифы не догадываются перекрыть нам воду с гор, мы её благоразумно скрыли водопроводом в трубах под плитами и верхним дерновым слоем.

Доместик отхлебнул разбавленного вина, зael его куском сыра и неожиданно выложил:

- Да подавиться мне вот этим куском козьего сыра, - заговорил он и впрямь сглазил сам себя, действительно подавился и еле прожевал сухой кусок, запив его вином, -- если варвары догадаются найти водопровод в город! Да и вообще мало кто в городе ведает про этот водопровод, Зиновий. Давай лучше подумаем, кого из горожан можно привлечь в ополчение, кому можно доверить оружие?

- Погоди, Стефан! - заговорил, вдруг, протевон, которому пришла в голову новая мысль. – А, если император согласится на условия князя Владимира? Такое ведь тоже может статься! И в самом деле отдаст сестру свою, Анну, за этого варвара? Принцессу ведь привезут сюда, в Херсонес и нам всё равно, поневоле, придётся открыть все ворота и пустить противника в город. Ты об этом не думал, стратиг?

Доместик задумчиво посмотрел на протевона, слегка отрицательно покачал головой.

- Думал! Прикидывал! – заговорил он. - И я очень даже против! Но против воли базилевса ведь не пойдёшь.

- Пусть будет так! На то воля базилевса! - проскрипел протевон. – Мало ли, что мы не желаем! Придётся терпеть.

- Не хочу загадывать наперёд, Зиновий, - высказался доместик, наливая себе вина в пиалу, - но на всё воля Господа, нам останется только покориться тому…

*****

Мастер-каменотёс, а ещё и водопроводчик при администрации города, грек Анастас, имел свой каменный дом в Херсонесе. Семья у него была небольшой и состояла из него самого,

жены и дочери-подростка. Осада города русичами, которая началась месяц назад, всем в городе стала в прямом смысле поперёк горла: какие у кого были запасы пищи, так уже и закончились, и теперь городская администрация из своих запасов выдавала каждой семье на неделю несколько сушёных рыбин и от одного до четырёх, в зависимости от количества детей, фунтов ячменя и пшеницы, а там как хочешь, или сразу съешь, или растягивай на неделю.

Как и все в городе Анастас с семьёй недоедали. Казённая, солёно-копчёная рыба хоть и мало её приходилось на человека надоела, но другой еды не было, кроме ещё того зерна, что тоже худо-бедно выдавалась властями города. От этой скудной пищи постоянно хотелось пить, ладно хоть воды в городе было вдоволь. Вечером, после захода солнца, жена хозяина Феодора с дочерью Юлией по летнему времени улеглись спать на плоской крыше дома, а хозяин задержался в доме, он явно кого-то ждал.

Сумерки сгустились, но вот с восточной стороны неспешно вылезла из-за гор ущербный лик жёлтой луны и тёмный город наполнился жидким и худосочным лунным светом. Другого света в городе не могло и быть, в масляных светильниках горожан давно уж не было масла и только в башнях иногда посверкивали факелы дежурных стратиотов, готовых по первому же признаку штурма неприятеля поднять тревогу через медные доски-била, подвешенные в каждой из двух десятков крепостных башен.

Ночная тишина опустилась на спящий город, редкие собаки и те, с голодухи грызущие калитки в дувалах дворов, не хотели зря гавкать. В жидком, лунном свете на тесный дворик Анастасова жилища промелькнули две серые тени. Хозяин встретил двух мужчин на пороге и сразу провёл их в дом. С этими людьми Анастас был давно знаком: один был из викингов, которого ещё десять лет назад ранили копьём в бедро половцы, когда он с отрядом земляков пробирался на императорскую службу в Константинополь, звали его Хадберн. Его, раненого, викинги оставили в Херсонесе, он тут подлечился, да и остался при охранной службе администрации. А второй ночной гость, Микита, был из русских поселенцев, был он рыночным салдамарием, мелким торговцем подмётками и разным бытовым ширпотребом. Но, главное, этот Микита хорошо владел греческим письмом, читал и писал по-гречески и даже неплохо подрабатывал на этом: писал гражданам за небольшую деньгу прошения к городским властям.

Анастас усадил ночных гостей за стол, налил им по кружке разбавленного вина, угощать всё равно больше нечем, а собрались старые знакомцы по делу тайному, против собственного города задуманного. Хозяин единственное узкое окно в комнату занавесил дерюжным мешком, зажёг масляный светильник, а грамотный Микита вынул из пояса склянку с чернилами и гусиное перо, достал из-за борта своей туники кусочек пергамента и приготовился записывать. Анастас продиктовал короткий текст: «Вода с гор по трубам идёт в город, трубы те скрыты под плитами и почвой, найти водопровод легче всего возле подножья двух братьев, что в семи стадиях от восточных ворот в сторону гор».

- Всё верно записал, Микита? - уточнил Анастас.

- Ну, как ты сказал, так я и записал! – ответил тот.

Он поднял голову от освещённого круга на столе, в полупотёмках при взгляде на Анастаса белки его глаз хищно блеснули. Хозяин, чтобы как-то успокоить себя, заговорил:

- Без воды город сдадут уже через сутки. Да за такой подарок князь Владимир, может и наградит нас, если не повесит.

- А с чего бы это он нас повесить-то повелит? – возразил Микита.

- Так предателей-то никто ведь не любит! – пояснил Анастас.

Микита протестующе протянул в сторону хозяина дома обе ладони как бы отталкивая его и процедил:

- Да ты что, Анастас!? Мы князю есть доброхоты! Это для нашего стратига Стефана Фоки и протевона города Зиновия Баттисты мы предатели, но не предаём мы город а избавляем его от излишних страданий. Люди вот говорят, что князь прибыл для таинства крещения в

Православную веру, а император наш, Василий П, чего-то заартачился, якобы, не желает на одной ступени с князем русичей стоять, а ведь пред Спасителем мы все равны.

- Да я понимаю! – произнёс Анастас. - Мне лишних слов не надо! Ладно, ребята, теперь дело за тобой, Хадберн.

Хозяин дома медленно повернулся к молчаливому викингу и вполголоса заговорил:

- Давай, привязывай к стреле нашу записку и пусть твой лук не подведёт. Пошли тихо к северо-восточной части стены, там стратиоты нынче ленивые заступили, спать будут, тебе легче всего будет подняться на стену, а там и запустишь стрелу в лагерь русов.

Глава 3.
ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Солнце на востоке неспешно вылезло из-за синей кромки невысоких гор и белесый туман, мягким, зыбким одеялом накрывавший большой, полусонный лагерь просыпающихся русичей, из просто белого как-то сразу превратился желтоватый и толстыми змеями стал медленно уползать в расселины меж холмами, окружавшими город с трёх сторон.

Молодой воин из тайной сотни Гавриила, Панкрат Крюк, как обычно утром, встал от потухшего костра и отошёл в сторонку по малой нужде. Справив её, он, вдруг, увидел стрелу, которая косо торчала из земли, указывая своим положением, что прилетела с городской стены. Любое оружие ценилось высоко, а тем более стрелы и Панкрат тут же ухватился за эту стрелу. Вынув её из земли, молодой воин увидел прикреплённый к ней клочок дорогого пергамента и письмо на греческом языке.

Служа в тайной сотне уже второй год, Панкрат сразу понял, что эта стрела и записка на стреле тут появилась явно не случайно, кто-то, что-то сообщает. Парень, осознав важность находки, чуть ли не бегом кинулся к костру своего начальника, сотника Гавриила. Сотник сидел у горящего костерка и медленно попивал утренний чай, настоянный на мелиссе и богородской траве. Стрелу с запиской он взял, но хотя устным греческим языком владел в совершенстве, но грамоте был не обучен, о чём сожалел, читать написанное по-гречески не мог. К удаче начальника тайных дел рядом с его костром был потухший костерок, недавно прибывших в лагерь хронистов, которые беспечно спали, укрывшись конской попоной.

Гавриил растолкал Артура и тот, прочитав записку, тут же сбросил с себя остатки сна. Поспешно надевая сапоги, он ткнул в бок Николая, а ждущему с нетерпением Гавриилу сообщил:

- Надо срочно доложить князю, Гавриил! В записке какой-то доброхот указывает, где проходит водопровод в город. Ты понимаешь, что это значит?

- Понимаю! – тихо откликнулся Гавриил. - Не шуми, хронист! Дело тайное, найдём водопровод и конец осаде. Пошли до князя!

Возле палатки князя, как обычно, стояли двое часовых и к одному из них Гавриил обратился:

- Слово и дело! А ну, Савелий, доложи князю, что Гавриил по срочному делу. Да пошевеливайся! Не с девкой на свидании!

Часовой исчез за полотняным навесом и вскоре вышел.

- Повелел звать! – сообщил он и приоткрыл навес.

Артур, шагнувший вслед за Гавриилом, увидел, что внутри шатра всё было по-прежнему: князь с советником всё так же сидели возле костерка и попивали утренний чай.

- Ну, что на этот раз, Гавриил? - спросил князь, иронично усмехаясь. - Император Василий лично явился сюда, Византия провалилась в тартар или все ворота в крепость с утра настежь?

- Спешу обрадовать тебя, княже! - заговорил Гавриил, не обращая внимания ёрничание князя. – Конец осаде!

- Да что ты говоришь? – продолжал иронично улыбаться князь.

- Он правду говорит, князь! – произнёс Артур. – Осаде крепости на самом деле конец. В городе нашлись люди, называйте их как хотите – предателями или доброхотами, но они прислали записку с точной приметой, где можно найти водопровод в город, разрушить его и тем самым покончить с затянувшейся осадой цитадели.

Гавриил протянул лоскут князю. Тот пробежал глазами текст, но владея греческим, читать написанное тоже не смог, а потому передал записку советнику со словами:

- Меня смолоду приучили – доверяй, но проверяй и ты, хронист не обижайся. Ростислав прочти!

Советник прочитал и повторил слово в слово то же, что сказал Артур. Глаза у Владимира загорелись и он тут же распорядился:

- Вот что, Гавриил! Бери своих людей, инструмент какой ни то, найди этот водопровод и отведи его от города. Пущай византийцы без воды посидят день другой, подумают, яко со мной ратоборствовать, може разума-то у них и прибавится.

Гавриил с готовностью поклонился и, выйдя с Артуром из княжеского шатра и тут же приказал подбежавшему Панкрату:

- Позови сюда Даниила с его ребятами, да пущай захватят ломики, кирку и пару лопат.

К Гавриилу с Артуром подошёл Николай Гулов и историк разъяснил ему суть дела.

- Ну и где тех братьев искать, хронист? - спросил Гавриил, обращаясь к Артуру.

- А пошли в сторону той вон горной гряды! - тут же отреагировал историк. - Два брата - это наверняка две скалы рядом! Найдём!

Выбрав нужное направление, люди пошли от крепости в восточном направлении, в сторону возвышенности. Пройдя около километра от бухты и города к скалам и горным напластованиям, Артур отметил про себя, что местность действительно начала меняться: появились каменные россыпи, где сквозь разнокалиберную щебёнку и частично крупные камни росли кривые и низкорослые кусты дикого орешника, которые затрудняли движение людей, нагруженных ломами и лопатами. Пришлось медленно подниматься в гору ещё километра два и вот появились кусты верболозы, прутики дикой малины и пучки вездесущего осота.

Но эти же кусты и свежая зелень осота указывали и на наличие водоносного слоя. Артур обратил на это внимание, остановил движение и осмотрелся: среди хаоса крупных камней и торчащих из горной почвы то тут, то там скальных выступов, трудно было заметить нечто похожее на братьев, и всё же глазастый историк их углядел. Эти, так называемые братья, не были двумя высокими скалами, скорей два крупных камня, размером выше пояса, располагались рядом друг с другом и своим видом походили друг на друга, действительно как братья-близнецы. У подножья одного из камней лежала каменная плита, Артур указал на неё со словами:

- Вот, ребята, тут и ройте! Подцепите-ка вот эту плиту!

-- Погодите! – бросил Гулов. - Зачем лишняя, пустая работа. У меня хороший слух, помолчите все, я послушаю.

Люди замерли, притихли и физик действительно уловил движение водных струй под плитой.

- Точно! – подтвердил он. – Вода под этой плитой журчит. Поднимайте!

Дружинники мигом подняли толстую и тяжёлую плиту, под которой все увидели трубу из обожженной глины диаметром в две мужских ладони. В трубе теперь уже явственно слышалось журчание воды.

- Родник тут! – выдохнул Гавриил. - Ей Богу, родник! А ну, парни, ройте канаву вон в ту сторону! Сейчас мы ромеям дадим умыться, они друг у друга глотки рвать начнут, мочу свою пить будут.

Дружинники ломами и коваными лопатами через полчаса яростной работы в камнях и щебне пробили отводной канал по склону и в сторону от города, но всё же направление водного потока направили в бухту, после чего подняли и вывернули трубу. Обнажился сильный родник, вода из которого, весело шумя и булькая, бурно пошла по пробитому дружинниками Гавриила новому каналу в сторону бухты и вскоре зашумела в ближайшей каменной россыпи, сделав её влажной и тёмной, но вот вода, заполнив щебнистый слой вышла наружу и криво-

линейно, по низинкам, устремилась к бухте. Гавриил сурово взглянул на своего помощника и распорядился:

- Так, Даниил! Остаёшься со своими ребятами тут! Спрячьтесь вон за скалой и, аще кто из города явится водопровод ремонтировать, бей без сожаления. Хотя едва ли кто оттуда придёт, всё перекрыто нашими людями. Ладно, Данила, воды у вас тут хватит, перекус у вас есть, а к вечеру я пришлю смену.

Спустившись в лагерь, Гавриил доложил князю, что с помощью хронистов водопровод был найден и разрушен, вода пошла в сторону от города прямиком в бухту.

Князь одобрительно хмыкнул, хлопнул контрразведчика по плечу, весело заговорил:

- Так-так! Всё! Теперь, братцы, надо быть готовым к вылазке из города! - выразил он своё опасение. - Без воды ромеи боле суток не протянут! Стратиотам, бросив город, прорываться на корабли надо, или ратоборство с нами принимать, но у них ратников мало. Скорей всего, они на свои корабли ринутся, ну и пущай! Мы их на своих лодьях в море встретим и возьмём на абордаж!

- Тако, может, сразу атаковать ромеев на выходе к своим кораблям? – заметил Гавриил.

- Да нет! – быстро отреагировал князь. – Видишь, бухта имеет добрую глубину и дромоны ромеев стоят почти у самой стенки с двумя воротными башнями, а на них не менее полусотни лучников. Они нас расстреляют на подходе, так что уж лучше пусть идут на свои корабли, а мы их встретим в море, на открытой воде и вдали от крепости. Иди, Гавриил, скажи там командирам полков, дабы явились ко мне. Надо приготовиться, думаю уже ночью ромеи пойдут на прорыв.

*****

Осаждённые византийцы с ужасом увидели, что городские водохранилища перестали наполняться. Теперь уж точно спасти жителей Херсонеса могла только помощь императора, но горожане со стен напрасно вглядывались в морскую даль – на мутноватом горизонте ничего не проглядывалось, да и не могло, потому что император занимался подавлением смут по всей мятежной империи и просто физически не имел возможности прислать помощь в далёкую, казалось бы, Таврию, хотя по прямой от Константинополя до Херсонеса по морю всего двое суток хода быстроходным дромонам военно-морских сил империи.

Пошёл третий день водного голодания, и это уже критический день, обезвоживание организмов грозило массовой гибелью людей в богатом городе. Лучшим способом хранения продуктов, рыбы, мяса, была засолка – вот и жители Херсонеса питались во время осады главным образом солёной рыбой, после употребления которой они невыносимо страдали от жажды. Пили вино, но от него потом ещё больше хотелось пить.

До стратига Стефана, наконец, дошло, что город обречён и он решил, что лучше уж спасти большую часть гарнизона, посадив стратиотов на дромоны и попытаться прорваться сквозь плотный строй славянских лодий. Эту сложную операцию Стефан назначил на ночь. Ровно в полночь затрубили трубы – это сигнальщики подали призыв к атаке, но воины князя Владимира боя у выхода не приняли, пропустили стратиотов доместика Стефана Дуки к кораблям. Корабельные команды спешно подняли якоря и паруса на военных дромонах, стратиоты херсонесского гарнизона плотно заполнили палубы кораблей.

Ночью обычно ветер слабый или его нет совсем, однако гребцы налегли на вёсла. Византийские корабли, набирая ход, двинулись из бухты, но навстречу им уже неслись русские лодьи. Византийцы отлично понимали, что при абордажной схватке армию, состоявшую из опытных в морском деле викингов и не столь опытных, но яростных в атаке славян, им не победить. Всю надежду военные моряки Византийского флота возлагали на свою, не имеющую аналогов, военную технику.

Вот передовой византийский дромон подошёл к противнику почти вплотную, на ближайших русских лодьях уже стояли воины с бухтами верёвок и железными крючьями, готовые

забросить их на высокие борта флагманского корабля. И тут, вдруг, ослепительно блеснуло пламя, озарив воды Чёрного моря – это был знаменитый «греческий огонь» -- главный козырь ромеев, где огненная струя из трубы выплёскивалась на расстояние до пятнадцати метров.

Секрет своего чудо-оружия византийцы берегли как зеницу ока. И не зря, именно эта устрашающая зажигательная смесь не раз спасала византийцев от поражения. Вот и сейчас уже не только на передовом дромоне, но и на других кораблях византийской флотилии загудели страшные огнемётные трубы. Огонь вырывался из них с протяжным громким звуком и это производило дополнительное психологическое воздействие на противника.

Византийские корабли изрыгали и изрыгали огонь, во мраке ночи поминутно вспыхивали косые столбы пламени. Несмотря на поднявшийся с берега ветер, в воздухе стоял удушливый запах горящей серы, смешанной с горящими нефтепродуктами. В это же время на византийских кораблях православные священники пели псалмы и читали священные молитвы.

Из мрака и кратких всполохов света доносились дикие вопли: «жидкое пламя» причиняло невыносимые страдания нападавшим. Оно обжигало большие площади кожи на воинах и что особенно ужасно – этот странный огонь было очень трудно погасить. Греческие химики создали уникальный раствор, который горел даже тогда, когда человек оказывался в воде. Знатоки уверяли, что пламя можно было потушить только песком или мочой.

Русичи быстро убедились, что против греческого огня они ничего противопоставить не могут и нечего зря людей губить, так что атаку славяне немедленно прекратили. Русские лодьи быстро расступились, рассыпались в разных направлениях. Кое-где на воде ещё догорали жуткие языки пламени, и византийцы вознесли молитву Богу, который даровал им такое страшное оружие. Путь к спасению у стратига Стефана был свободен, Византийский флот ушёл из осаждённой крепости в Константинополь, в Херсонесе почти не осталось воинов и судьба города была предрешена. Всю эту трагедию наблюдали физик Гулов с историком. Гулов даже, не без успеха, попытался с помощью навигатора полечить ожоги у воинов князя Владимира, и ведь действительно подлечил, облегчил страдания раненым.

Уже на следующий день после прорыва греческого флота князь Владимир бросил своих воинов на штурм крепости. Обезвоженные и замученные жаждой жители Херсонеса сопротивлялись недолго, богатый форпост Византии на земле Тавриды пал уже через час после начала штурма и наши друзья, Гулов с историком Иродовым опять были тому свидетелями. Ну, а уж томимые жаждою горожане, открыв все ворота Херсонеса, первым делом массово, толпами кинулись с кувшинами и горшками к ручью с водой, что из городского водопровода был отведён дружинниками князя Владимира в сторону от города. Пропустив, обезумевших и изнывающих от жажды горожан в распахнутые настежь ворота, в брошенный защитниками город дружной поступью, в полном молчании, всё шли и шли колонны окольчуженных русских витязей. Князь Владимир в этот же день распорядился восстановить водопровод и уже к вечеру вода пошла в городские накопители…

*****

Молодой император Василий П только третий год, начиная с 985-го года, по-настоящему, правил государственными делами в империи, причём сразу столкнулся с большими внутренними трудностями по погашению смут, недовольства и восстаний. Хотя императором Василий П был провозглашён ещё в 976-ом году, но государственными делами всё ещё заправлял его двоюродный дед, евнух Василий Лакапин. Но вот пришёл 988-й год и император Василий П из Македонской династии, которому, после принятия государственных дел, и так-то было тяжко, а уже с прошлого года он явно почувствовал, что императорский трон под ним больше похож на горячую сковородку, что стоит на раскалённых углях в печи. А тут ещё пришли в Константинополь военные дромоны из Тавриды, привезли сбежавший из города херсонесский гарнизон. Стратиг Стефан Фока, сбивчиво и неуклюже пытался оправдаться перед императором и его кабинетом. Император, его логофет дрома с министрами правительства и вся канцелярия

базилевса поняли одно, что опытный в военном деле византийский доместик, по сути, бросил крепость Херсонес на «съедение» язычнику, славянскому князю Владимиру, чем и добавил немало огорчений и без того затюканному разбродом дел и шатаниями в империи молодому Василию П.

Надо было что-то срочно предпринимать и император Василий П вызвал к себе на аудиенцию начальника секретной службы своей администрации, протосикрита Афанасия Форца, с которым был хорошо знаком, и, которому доверял. Император уединился с протосикритом в личном кабинете большого императорского дворца. Встречи и беседы императора с протосикритом требовали особых условий: при встречах не должно быть свидетелей, даже слуг, мало ли что услышат их уши, да разнесут по дворцу, а там слухи пойдут гулять по империи, да ещё и породят очередную смуту. Вот потому дворцовый слуга, по заведённому издавна порядку, принёс разбавленное вино в серебряном лекифе, лёгкую закуску в виде кусочков сыра со свежими лепёшками в плетёной тарелке, две ветки винограда с грушами на фаянсовой тарелке.

Всю эту закуску слуга расставил на маленьком столике с мраморной столешницей, но с изящными ножками, изображавшими собачьи лапы. Столик стоял между двух, плетёных из виноградной лозы кресел. Слуга всё аккуратно расставил и ушёл. Минут через десять в кабинет вошли двое: император Василий П и протосикрит Афанасий Форца. Усевшись в кресло, император самолично налил в серебряные кубки вино и, пригубив вина, пригласил советника присесть напротив него. Афанасий уселся и тоже, по обычаю, пригубил вина из своего кубка. Император медленно заговорил, подбирая слова:

- Я знаю, Афанасий, во всяком случае давно уже догадался, что архистратиг Варда Склир, командующий восточной армией, восстал не против меня, молодого и неопытного, а против моего двоюродного деда, Василия Лакапина, потому как дед заведовал государственными делами, да всех поприжал налогами и армии задолжал с выплатами. Теперь вот мне передал свои огрехи, всю свою стряпню и мне теперь приходится расхлёбывать всё это никуда негодное, государственное варево.

Афанасий был на три года старше императора Василия, знакомы они были с детства, и, когда энергичного Форцу назначили начальником секретного отдела канцелярии, Василий П не удивился. Его друг действительно был шустрым парнем, с университетским образованием, тем ещё пронырой, много знал, да и род Форца пользовался доверием у византийского царствующего дома Македонской династии.

- Да тяжело тебе пришлось, Василий! - заговорил протосикрит. - Твой отец Роман П рано умер, а полководец Никифор Фока тут же и воспользовался этим, женился на твоей матери Феофании и провозгласил себя императором, и было это в 968-м году. Но на следующий год Никифора прикончил другой полководец, Иоанн 1 Цимисхий и уже он провозгласил себя императором, и это при тебе, прямом наследнике. Но Цимсхию пришлось ещё хуже: на Балканы вторгся славянский князь Святослав и всё там разорил. Императору Цимисхию стоило неимоверных сил выгнать славянского князя за Дунай и немало пришлось уплатить золота печенегам, чтобы они прикончили воинственного князя. После этого Цимисхия самого убрали и государственными делами стал заправлять твой двоюродный дед Лакапин. И действительно именно против твоего деда восстал Варда Склир, и восстал он по многим причинам, главным из которых была задержка жалования солдатам восточной армии.

- Но теперь вот Варду Склира разгромил архистратиг Варда Фока Младший! – подхватил мысль собеседника император. – Склира посадили в тюрьму, но этот Младший Фока объявил теперь себя императором Византии, а всё потому, что, мол, его дядя, Никифор Фока, был императором почти полтора года, женившись на моей матери Феофании. В конце концов, патриарх Полиевкт отправил мать в монастырь, грехи замаливать, а скорей думаю, чтобы её, беднягу, больше не использовали в корыстных целях разные полководцы империи. Теперь вот мне с этим Вардой Младшим сплошная головная боль. Так только бы ещё это, а то ведь вот

навязался на мою голову славянский князь Владимир, сын того Святослава, который «портил кровь» империи в семидесятых годах. Ты ведь уже знаешь, Афанасий, что за помощь мне своим войском в борьбе с Фокой Младшим, славянский варвар требует в жёны мою сестру Анну. Причём готов сам креститься и крестить всю свою языческую страну.

- Окрестить целую страну - это, Василий, очень даже неплохо! - заметил проницательный Форца. – Через церковь и веру мы можем уже влиять на беспокойного северного соседа, с территории которого мы имеем пшеницу и льняное полотно для парусов нашего флота. Да мы вообще можем много чего от этого соседа получить. Как хочешь, но я бы советовал тебе отдать Анну в жёны славянскому князю, зато взамен будешь иметь надёжного союзника, хорошую военную поддержку и соседа в Православной вере.

- Сестра Анна, девушка очень набожная, Афанасий! – подняв брови, заметил император. – К северному варвару в жёны идти не хочет, несмотря на то, что Владимир готов окреститься и окрестить всю Русь.

- В отсутствии отца, -- заговорил протосикрит, - сестра должна исполнить волю старшего брата – это древний канон и нарушать его большой грех.

- Анна считает, что грех идти в жёны к многожёнцу, каким является князь Владимир! – пояснил базилевс, наливая разбавленное вино в кубки. – У него уже семеро детей, которых он нажил от разных жён.

- Я в курсе, Василий! - произнёс протосикрит, берясь за кубок. – Но официально князь Владимир холост. Он отправил всех своих жён вместе с детьми в разные города подальше от Киева, а наложниц распустил на все четыре стороны. Намерения его, в смысле женитьбы на принцессе Анне, более, чем серьёзны, и он искренне заинтересован в сближении своего государства с нашей империей, а, кроме того, он желает разговаривать с государствами Европы на равных. Я его понимаю и поступил также бы.

- Породниться с царствующим домом Византии - это большая честь, мой друг! - заметил базилевс и посмотрел на реакцию своего подчинённого. – Императору Священной Римской империи, королю Германии и королю Италии Оттону Ш Великому, когда он сватался к молоденькой принцессе Анне царствующего византийского дома в 975-м году, было с презрением отказано. А ведь его отец, король Германии Генрих 1 Птицелов ещё раньше присылал дружественное послание отцу Роману П, да и мать Оттона Матильда Вестфальская особа в мире известная, из старинного, уважаемого рода. Позже сватался к Анне король Франции Роберт П и ему было отказано. Сватались венгерские, датские и шведские принцы – всех послали по одному адресу. И что, спрашиваю я тебя, друг мой, Афанасий, против, например, короля Оттона Ш Великого, этакой глыбы, императора почти всей Европы, что, по сравнению с ним, повторяю, представляет собой этот славянский князь Владимир?

Протосикрит сидел перед императором с каменным лицом и Василий оценил такое поведение своего друга высоко. А тот, выдержав паузу, ровно и убеждающе заговорил:

- Император и король Оттон Ш Великий плохой хозяин в своей стране! – жёстко заметил протосикрит. -- Герцоги, графы и бароны Германии и в той же Италии в упор не видят своего официального владыку, и воинов своих в его войско не дают. И это называется христиане? Где подчинение старшему, где взаимовыручка? А нам давно известно, что князь Владимир крепкий хозяин в своей языческой стране, которая по размерам превосходит и Священную Римскую империю и нашу скромную Византию вместе взятых. А потом тебе, Василий, деваться некуда, протянешь время и Варда Фока Младший свергнет тебя. Он и так уже объявил себя императором, и у него есть военная сила. Покорись, Василий, обстоятельствам, уйми свою гордыню, отдай Анну князю Владимиру, получишь от него войско и покончишь со своими врагами. Иметь такого сильного зятя лучше, чем быть свергнутым чернью и комицией Константинополя.

- А что скажет наш патриарх, Николай П Хрисоверт и высокие иерархи, епископы, архиепископы Православной церкви? – поинтересовался базилевс. – Без их положительного решения я и пальцем не двину, в противном случае они же меня проклянут. Ну и, конечно, надо ещё уговорить сестру к переезду на Русь, развеять её страхи и опасения. Я понимаю, её будут окружать проповедники Слова Божья и её набожные подруги, большая свита, но дух её, повторяю, надо укрепить.

Афанасий как-то утвердительно пригубил вина из своего бокала, словно серьёзное дело было уже совершено.

- Патриарх Николай П Хрисоверт и наши иерархи уже сказали своё веское слово! – твёрдо заговорил протосикрит. - Для них окрестить целую страну, новый большой народ – великое дело, к которому они всегда жадно стремились. Да они с огромной охотой кинутся вразумлять, просвещать и крестить язычников, уж в этом деле их хлебом не корми, дай обратить язычника в убеждённого христианина. Они уже заранее составили команду проповедников из монахов Влахернского монастыря, собрали большую библиотеку из богословских книг для храмов на Руси, церковную утварь и множество икон с ликами святых угодников. Большинство из этой команды худо-бедно владеют русским языком, а кроме того в большом посольстве будут и посланники логофета дрома, министра иностранных дел, главы твоего правительства, Василий, а ещё в составе делегации будут и уже включены патриархом Хрисовертом наши зодчие для строительства храмов, будут и мои люди, из тайной канцелярии, а ещё будет немалая свита у принцессы Анны. Со всей этой оравой князю Владимиру придётся считаться и принимать решения с оглядкой на наших людей. Так что принимай решение, базилевс! Не тяни! Промедление обернётся для тебя худым концом, неизвестностью. Сам ведь знаешь, что всего наперёд просчитать одному человеку невозможно, пути Господни неисповедимы.

Император задумался, с надеждой посмотрел в непреклонные глаза протосикрита, и, видимо, приняв твёрдое решение, встал из кресла, широко перекрестился.

- Ну что ж! - торжественно заговорил он. - Видно, так угодно Спасителю! Обстоятельства делают нас покорными Провидению! Пусть будет так, как ты советуешь! Сложившееся положение дел в государстве, Афанасий, обязывает нас принять важное решение сегодня, тем более, что патриарх и иерархи Православной церкви одобряют союз Византии с Русью. Сегодня же скажу Анне, чтобы готовилась к переезду в Херсонес, к венцу со славянским князем и житию на Руси среди христиан, но не язычников.

- И правильно поступишь, базилевс! - в порыве чувств громко произнёс протосикрит, что у человека тайной профессии едва ли возможно. – Я верю, что именно во время твоего правления в Византийской империи наступит «золотой век Юстиниана», то-есть «золотой век Василия П Порфирородного»…

*****

Уже через неделю после падения Херсонеса в просторной бухте замаячили паруса и вымпелы военных и гражданских дромонов с чёрными двуглавыми орлами – это прибыла в Тавриду внушительная византийская делегация христианских проповедников и принцесса Анна со своей свитой. Приняв тяжёлое, важное и нужное для страны решение, император Василий П переступил через себя и уж в дальнейшем медлить не стал, проявил разумную расторопность.

В городской гавани и по всему побережью разнеслись молитвенные песнопения – это хоры на кораблях пели гимн: «Славен Господь в Иерусалиме». И песнопения эти были такими завораживающими, успокаивающими душу, уводящими ввысь, в нирвану, что горожане сразу поняли, жизнь их снова повернулась к лучшему: с грозной, тяжёлой, военно-осадной и продолжительной на праздничную и по всему тоже далеко не короткую.

Князь Владимир, по случаю встречи невесты разодетый в сверкающую парчу, красные сапоги с золотым обручем на голове, встал в порту со свитой своих бояр, помощников, коман-

диров тысяч и старших дружинников. Да только никакой встречи толком не получилось: сошедшие с кораблей одетые в праздничные ризы византийские епископы, пресвитеры с монахами в чёрном, с хоровыми командами, продолжавшими торжественно исполнять молитвенные песнопения, загородили толпу женщин в белых столах с капюшонами на головах и какая среди них принцесса непонятно. Вся эта процессия равнодушно, даже с некоторым презрением, прошла мимо князя с шеренгой своих людей, вошла в город и на агоре, прошла в церковь Богоявления, где тут же состоялась литургия по случаю прибытия в Тавриду, а после торжественный Евкрасис.

К большой шеренге обескураженного князя подошёл один из димархов Влахернского монастыря, Афанасий Ласхоа, заговорил с ним по-русски, убедительно и тепло:

- Ты, князь, прости нас, но порядок такой, что невеста-христианка не имеет права даже поздороваться с тобой язычником. Ты лучше смирись и приготовься к завтрашнему крещению тебя самого и всех твоих воинов! – сообщил димарх на довольно хорошем русском языке, что князь и отметил про себя.

- Мы и так пошли на большие уступки тебе, - говорил, между тем, димарх, - до крещения положено хотя бы полгода быть послушником, ознакомиться с учением Христа, с житиями святых угодников, духовно подготовиться к таинству крещения. Вот после крещения ты сможешь увидеться с невестой и вместе вы можете коленопреклонённо помолиться в городском храме. Сейчас же, с этого времени ты являешься послушником, я буду просвещать тебя и всё время буду при тебе. Первым делом прикажи своим людям соорудить купель и поставить её вон на городском холме.

Физик Николай Гулов с историком Артуром стояли в первой шеренге встречающих почти рядом с князем и всё, что насоветовал византийский димарх, слышали. Владимир тут же обратился к командиру Второго полка Дмитрию Собакину:

- Слышал, Димитрий? Найди среди своих дружинников бондарей и пусть соорудят большой чан для купания, да поставят вон там, где указал уважаемый димарх Афанасий. Чтоб к завтрему готов был, долго торчать нам здесь невместно.

Шеренга разрушилась и закипела работа: нашлись среди дружинников и бондари, и инструмент в городе. Дружинники первым делом срубили несколько добрых лип неподалеку от города, распилили их на чурки, разрезали чурки на досочки полутораметровой длины, чисто острогали их. Между тем полковые кузнецы в походных кузнях с мехами выковали четыре трёхметровых в диаметре обруча. К вечеру огромный чан был уже изготовлен и установлен на вершине холма, что высился возле площади. А холм этот был из того самого грунта, что горожане успели натаскать ночью из подкопа, где осаждающие заваливали ров и делали насыпь к крепостной стене. Дружинники натаскали в чан-купель две с половиной тысячи кожаных вёдер воды из городского, водопроводного накопителя.

Димарх Афанасий Ласхоа тоже времени не терял. Во-первых, выяснил кто кроме князя будет креститься и оказалось, что почти всё княжье войско. В полевой лагерь тут же явились византийские проповедники и монахи, которые первым делом запретили какие-либо трапезы и винные возлияния. Усадив воинов в большие кружки, византийские монахи из Влахернского монастыря и другие духовные лица из ромейской империи принялись образовывать дружинников: прочитали им десять заповедей Христа, рассказали о земной жизни Сына Божия, о предательстве ученика Иуды, о жизни других учеников Христа среди людей, а также о житиях святых угодников. Объяснили суть главных христианских праздников, для чего существуют посты и дни поминовений усопших.

Почти это же димарх Афанасий внушал в шатре князю Владимиру.

- Ты, Афанасий, не беспокойся! – говорил князь в перерывах между лекциями проповедника. – Я духовно давно уж готов к таинству крещения. А потом ведь у меня в войске немало христиан, так что вам, духовникам, работы здесь не так уж и много будет. Основная работа у

вас будет впереди: в Киеве, в Смольне, в Новгороде Великом и других городах, Русь большая, иной раз от города к городу неделю едешь. Храмы пока что из дерева ладить будем, тако быстрей получится, потом уж из камня возведём, аль потомки наши заботу о том поимеют.

На следующий день, после торжественной литургии в городском храме Богоявления и Евкрасиса по случаю предстоящего крещения князя Владимира и его войска, началось само таинство крещения. Митрополит Михаил, которого патриарх Николай П Хрисоверт назначил главой Православной церкви на Руси, в светлых праздничных одеждах, с большим серебряным крестом в правой руке и кадилом в левой, усадил князя в одних подштанниках в чан с освящённой водой, прочитал соответствующую молитву, трижды окунул князя с головой в воду и надел ему на шею серебряный крестик на шёлковом шнурке.

- Нарекаю тебя, раб Божий, церковным именем Василий! - торжественно произнёс митрополит, кладя большой серебряный крест на голову князя. – В честь императора Византийской империи Василия П Порфирородного. Это имя прославит тебя во веки! Теперь ты есть духовный брат императору Византии, а это выше, чем кровный…

Владимир закутался в малиновый гиматий и пошёл одеваться в большой, двухэтажный дом, сбежавшего из города протевона Зиновия Баттисты. В комнатах второго этажа уже поселилась со своей свитой принцесса Анна, но с князем Владимиром она ещё не встречалась и даже не виделась. Да и как тут встретишься, коли, вокруг жениха и невесты крутятся монахи и церковные иерархи, и существуют сплошные запреты: то нельзя, это не по канону.

В чан-купель с освящённой водой полезли раздевшиеся до подштанников командиры полков, помощники князя, бояре и старшие дружинники, с ними уже занимались монахи Влахернского монастыря. Остальных дружинников, подавляющее большинство, византийские проповедники мирно загнали в воды бухты, окунули в воду кресты, обрызгали людей прочитали молитвы, а монастырский хор запел священный гимн и «Аллилуйю». После купели в бухте дружинники получили от монахов нательные крестики из алюминия, редкого по тому времени металла, и, к тому же, весьма дорогого. Физик Гулов и историк Артур Иродов старались быть в числе глазеющих на церковные обряды горожан, залезать в купель им вовсе не хотелось.

Только на следующий день встретился князь Владимир с невестой Анной, которой было уже двадцать пять лет, но выглядела она молодо и превосходно, потому как следила за собой и соблюдала церковные посты. Владимир, в окружении монахов и иерархов Православной веры Византии отстоял с Анной службу в церкви Богоявления. Посматривая боковым зрением на принцессу, Владимир с удовлетворением подумал: «Ишь ты, ничего, красиа дева, не обманул император!».

И только на следующий день произошло таинство венчания князя Владимира с византийской принцессой Анной. Физик Гулов с Артуром отметили, что все эти мероприятия происходят с нарушением сроков, то-есть спешно, а всё потому, что иерархи церкви исполняли строгий наказ патриарха Николая П Хрисоверта и императора Василия П, свершить все обряды как можно скоро, да и митрополит Михаил с епископами сами понимали – сложившиеся в империи тяжкие обстоятельства не терпят промедления даже на сутки.

После всех этих церковных таинств князь Владимир отдал приказ двум полкам, а это около десяти тысяч воинов, садиться на военные корабли, византийские дромоны, и отправляться на службу к императору ромеев. Сам же с молодой женой, с огромной свитой богословов, проповедников, монахов, с оставшимися, двумя полками своих воинов отправился вверх по Днепру к столице Руси, Киеву, где по прибытии тут же сокрушил всех идолов, а горожан призвал креститься в новую веру. Массовое крещение киевлян и некоторых иногородних гостей города произошло как известно в водах Днепра в лето девятьсот восемьдесят восьмого года…

*****

Физик Николай Гулов и историк Артур Иродов вернулись из своего путешествия в Крым десятого века домой через две недели; быть свидетелями киевского массового крещения друзьям уже не хотелось. Даже была опаска, что крещёные дружинники князя Владимира и их, людей совсем другого времени, угрожая копьями, загонят в воды Днепра заодно с горожанами, где совершался обряд крещения. Друзья вовсе не были против обряда, но им вовсе не хотелось в одежде мокнуть в реке.

Казалось бы, Гулов с Артуром отсутствовали недолго, но впечатлений в Тавриде они, естественно, получили больше своих современников в разы. Вечером друзья пришли в большой дом своего шефа, генерального директора концерна Вадима Петровича Маневича. В доме друзей первой встретила хозяйка, Виктория, которая с улыбкой проводила парней на вместительную веранду и по пути спросила:

- Ребята, садитесь вон за стол, сейчас принесу вам горячего чая. Вадим обещался скоро явиться домой. Небось, опять собрались в прошлое? Надеюсь не на два миллиона лет назад?

- Да нет, Вика! – тут же сообщил историк Артур. – На этот раз недалеко, всего лишь в шестой век нашей эры, в «золотой век Юстиниана». Мужа вот твоего заберём, да и тебя тоже, если, конечно, пожелаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.